СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ

Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ подъ редакціею проф. Э. Д. Гримма, проф. Н. А. Котляревскаго, прив.-доц. В. Н. Сперанскаго и проф. В. М. Шимкевича.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ ИППОЛИТА ТЭНА

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ ИППОЛИТА ТЭНА

Э. ГРИММА
Профессора С.-Петербургскаго университета

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС·ОСТР·16 ЛИНІЯ СОБ·ДОМЪ·

БИБЛІОТЕКА
РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ
АКАДЕМІИ.
227
3

Политическія воззрѣнія Ипполита Тэна.

I.

Одною изъ важнѣйшихъ проблемъ политической литературы Западной Европы въ XIX вѣкѣ является вопросъ о демократіи, объ ея достоинствахъ и недостаткахъ, объ ея отношеніи къ интересамъ личности вообще и разныхъ общественныхъ группъ въ частности, о степени ея совмѣстимости съ высшими потребностями народной жизни и культурнаго развитія, о формахъ ея организаціи и ея значеніи для соціальнаго строя. Особенно острый интересъ вызывала эта проблема во Франціи, и можно смѣло сказать, что вся французская политическая литература XIX вѣка такъ или иначе реагируетъ на этотъ основной вопросъ, а разныя ея теченія, консервативное, либеральное, демократическое и соціалистическое съ ихъ разновидностями опредѣленно отличаются другъ отъ друга по характеру тѣхъ отвѣтовъ, которые они даютъ на него.

Да это и вполнѣ естественно. Революція 1789 г. поставила вопросъ о демократіи ребромъ, обострила всѣ общественныя противорѣчія до крайности и заставила всѣ общественныя группы вдуматься въ реальное значеніе

тѣхъ политическихъ идеаловъ и лозунговъ, которые въ XVIII вѣкѣ разрабатывались и обсуждались въ тиши кабинета или въ легкомысленной атмосферѣ парижскихъ салоновъ безъ яснаго пониманія ихъ жизненнаго смысла и жизненной цѣнности. Вотъ почему та или иная оцѣнка самой революціи играетъ такую большую роль въ политической литературѣ послѣдующаго времени, роль настолько значительную, что по характеру сужденій даннаго писателя обо всемъ ея ходѣ или отдѣльныхъ ея моментахъ можно почти всегда безошибочно опредѣлить существо его политическаго міросозерцанія.

«Размышленія о французской революціи» Жозефа де Местра и госпожи де Сталь, исторіи Тьера и Минье, Мишле, Кинэ и Луи Блана, «Старый порядокъ и революція» Токвиля, «Происхожденіе современной Франціи» Тэна, труды Сореля, Олара и Жореса—вотъ рядъ работъ одинаково интересныхъ и съ точки зрѣнія исторіографіи французской революціи и съ точки зрѣнія исторіи французской политической мысли въ XIX вѣкѣ. Въ каждомъ данномъ случаѣ автору казалось, что онъ даетъ ключъ къ пониманію великой катастрофы конца XVIII вѣка, и въ каждомъ данномъ случаѣ онъ давалъ ключъ къ пониманію его собственныхъ политическихъ взглядовъ и всего его міросозерцанія, добавляя въ тоже время лишнюю черту къ характеристикѣ занимавшаго его грандіознаго событія.

Тѣсная связь между историческими взглядами и политическими симпатіями отдѣльныхъ названныхъ писателей представляется особенно интересной у Тэна. Больше чѣмъ кто-либо, онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что его работа свободна отъ субъективныхъ увлеченій и проникнута тѣмъ же объективизмомъ, который его привлекалъ въ естественныхъ наукахъ. «Старый порядокъ, революція,

новый порядокъ»,—писалъ онъ въ предисловіи къ первому тому своего труда,—«я хочу попытаться точно описать эти три состоянія. Я осмѣливаюсь утверждать здѣсь, что у меня нѣтъ другой цѣли: да позволятъ историку дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуетъ натуралистъ; я созерцалъ свой объектъ какъ метаморфозу насѣкомаго... Любознательность, свободная отъ всякаго предвзятаго мнѣнія, становится научной»... «Я писалъ портретъ старой Франціи, не считаясь съ нашими современными спорами; я писалъ, точно предметомъ моего изученія были флорентинскія или аѳинскія революціи. Это исторія и больше ничего и, если нужно договаривать до конца, я скажу, что слишкомъ уважалъ свое ремесло историка, чтобы наряду съ нимъ заняться тайкомъ другимъ» [1]).

Когда два первыхъ тома его труда и въ особенности второй вызвали рѣзкую полемику, въ которой автора обвиняли въ пристрастіи, онъ снова подчеркнулъ свой полнѣйшій объективизмъ. «Я снова съ сожалѣніемъ предвижу»,—писалъ онъ въ предисловіи къ третьему тому,—«что этотъ трудъ не понравится многимъ изъ моихъ соотечественниковъ. Мое извиненіе заключается въ томъ, что почти всѣ они имѣютъ политическіе принципы и пользуются ими, чтобы судить о прошломъ. Я ихъ не имѣлъ и даже предпринялъ этотъ трудъ для того, чтобы составить себѣ таковые. До сихъ поръ я нашелъ лишь одинъ, столь простой, что онъ покажется дѣтскимъ, и что я едва рѣшаюсь его изложить. Тѣмъ не менѣе я обязанъ это сдѣлать; ибо всѣ сужденія, которыя можно будетъ дальше прочесть, вытекаютъ изъ него, и степень

[1]) Origines (изд. in 8) т. II, préface. Ср. въ essais de crit. et d'hist. (IX изд.) 269—278, его замѣчанія по поводу историко-политическихъ сочиненій Troplong и графа Монталамбера.

его правильности является мѣриломъ ихъ правильности. Онъ заключается цѣликомъ въ замѣчаніи, что человѣческое общество, въ особенности общество современное, представляетъ обширное и сложное явленіе [1]), а слѣдовательно его трудно узнать и понять. Вотъ почему имъ трудно управлять. Отсюда слѣдуетъ, что образованный умъ (un esprit cultivé) болѣе способенъ къ этому, чѣмъ умъ необразованный (inculte) и спеціалистъ болѣе, чѣмъ не спеціалистъ» [2]).

Въ послѣднихъ словахъ уже выясняется правда основная точка зрѣнія Тэна, но она формулирована столь неопредѣленно, что трудно отдать себѣ сразу отчетъ въ томъ значеніи, которое ей придаетъ Тэнъ, и въ тѣхъ выводахъ, которые, по его мнѣнію, изъ нея вытекаютъ. Вдобавокъ она излагается имъ, какъ чисто-научная истина, несвязанная ни съ какими опредѣленными политическими взглядами, каковыхъ, по его словамъ, у него нѣтъ вовсе. Данная имъ картина эволюціи французской жизни есть «медицинская консультація», построенная на методическомъ изученіи матеріала и долженствующая дать совершенно объективный діагнозъ состоянія того общества, жизнь котораго авторъ изучаетъ точно такъ же, какъ врачъ изучаетъ организмъ больного [3]).

Критика давно показала, что увѣренность Тэна въ томъ, будто ему удалось элиминировать всякаго рода субъективные моменты въ предпринятой имъ реконструкціи недав-

---

[1]) Курсивъ подлинника.

[2]) Ср. Origines, т. IV, préf. IV: Aussi bien ce volume, comme les précédents, n'est écrit que pour les amateurs de zoologie morale, pour les naturalistes de l'esprit, pour les chercheurs de vérité, de textes et de preuves, pour eux seulement, et non pour le public, qui sur la Révolution a son parti pris, son opinion faite

[3]) Ср. Vie et corr. III, 44—47.

няго прошлаго и оцѣнкѣ современнаго состоянія Франціи, была совершенно неосновательна. Тѣмъ не менѣе детальное изученіе его «Происхожденія современной Франціи», предпринятое съ цѣлью выясненія степени зависимости его историческихъ отъ его соціальныхъ и политическихъ сужденій, представляло бы любопытную задачу.

Необходимымъ предварительнымъ условіемъ такой работы является выясненіе политическаго міросозерцанія Тэна [1]). Эта послѣдняя задача имѣетъ однако и свой самостоятельный интересъ.

Политическія воззрѣнія Тэна интересны не столько своей оригинальностью или стройной систематичностью, сколько по тому весьма серьезному вліянію, которое они оказали и отчасти продолжаютъ оказывать на французское, а въ извѣстной мѣрѣ и на все остальное европейское общество или по крайней мѣрѣ на вліятельные слои

---

[1]) Въ настоящее время для разрѣшенія этого вопроса имѣется новый и крайне интересный матеріалъ въ видѣ его писемъ и замѣтокъ, изданныхъ за послѣдніе годы (1902—1907) подъ заглавіемъ H. Taine, sa vie et sa correspondance въ четырехъ томахъ. Замѣчанія, посвященныя этому вопросу, въ появившейся недавно книгѣ Олара: Taine, historien de la révolution française (P. 1907. A. Colin), стр. 15—19, совершенно неудовлетворительны и не свидѣтельствуютъ ни о пониманіи взглядовъ Тэна, ни о достаточно внимательномъ изученіи относящагося къ вопросу матеріала, ни о безпристрастіи. Такъ, невѣрно, что только послѣ коммуны Тэнъ измѣнилъ своимъ демократическимъ взглядамъ (стр. 15; невѣрно, что онъ задумалъ свой трудъ о «современной Франціи» только подъ вліяніемъ тѣхъ же событій (стр. 19, ср. vie et corr. II, 222 отъ 1861 г. и II, 386 — 387 отъ 1862 г.) и т. д. А инсинуаціи Олара, будто Тэнъ руководился прежде всего жаждой славы (стр. 32), будто онъ былъ органически неспособенъ «сдѣлать что-либо методически, терпѣливо, полно» стр. 33), и что комплименты консерваторовъ побудили его порвать окончательно съ демократіей (стр. 68) производятъ болѣе чѣмъ странное впечатлѣніе.

его [1]). Этому вліянію не только не помѣшало, но въ извѣстной мѣрѣ даже содѣйствовало то обстоятельство, что Тэнъ никогда не систематизировалъ своихъ политическихъ взглядовъ. Если не считать его брошюры о всеобщемъ избирательномъ правѣ [2]), двухъ открытыхъ писемъ въ газетахъ Temps [3]) и Journal des Débats [4]) и его участія въ возникшей въ 1891 г. антисоціалистической лигѣ [5]), Тэнъ никогда не выступалъ на политической аренѣ [6]). Его сужденія не могли быть уложены въ рамки обычныхъ партійныхъ дѣленій, и именно поэтому на нихъ могли ссылаться, къ нимъ могли прислушиваться люди разныхъ, хотя и родственныхъ другъ другу политическихъ направленій. А замѣчательный талантъ автора, то исключительно-вліятельное положеніе, которое онъ пріобрѣлъ еще во времена второй имперіи, когда онъ сдѣлался истиннымъ властителемъ думъ молодого поколѣнія, заставляли и враговъ считаться съ нимъ, когда онъ приступилъ къ

---

[1]) Ср. Giraud, Essai sur Taine, son oeuvre et son influence. P. Hachette, 1901, гл. IV: l'influence, стр. 125 сл., въ частности 141 сл. Ср. также Monod, les maitres de l'histoire. Rénan, Taine, Michelet, III изд. 1895 стр. 107.

[2]) H. Taine, Du suffrage universel et de la manière de voter, 62 стр. in 18, P. Hachette, 1872. Предварительно напечатано въ видѣ статьи въ «Temps», отъ 5 декабря 1871 г.

[3]) Ср. Vie et correspondance, т. III, стр. 180—186. Напечатано въ «Temps», 5-го февраля 1872 г.

[4]) Ср. Vie et Corr., т. III, стр. 187—194. Напечатано въ «Journal des Débats», 9-го февраля 1872 г.

[5]) Ср. Vie et Corr., т. IV, стр. 321.

[6]) Къ указаннымъ статьямъ можно еще прибавить статью подъ заглавіемъ «l'Opinion en Allemagne et les conditions de la paix», появившуюся 9-го октября 1870 г., но не имѣющую отношенія къ вопросамъ внутренней политики, а также написанный имъ протестъ избирателей департамента нижнихъ Пиринеевъ противъ одного декрета Гамбетты (vie et corr. III стр. 7 прим. 2).

своему монументальному труду о происхожденіи современной Франціи, труду, который побудилъ Ницше признать его «первымъ современнымъ историкомъ» [1]) и который сдѣлался арсеналомъ всѣхъ, кто по тѣмъ или инымъ причинамъ являлся врагомъ современнаго демократическаго движенія.

Съ этой точки зрѣнія изученіе политическихъ взглядовъ Тэна является существенно важнымъ не только для уразумѣнія его историческихъ сужденій, но и для выясненія одного изъ любопытнѣйшихъ моментовъ въ исторіи французскаго либерализма, развитіе коего до сихъ поръ не сдѣлалось предметомъ тщательнаго и всесторонняго изслѣдованія, несмотря на огромное значеніе, которое выпало на долю либеральной идеи особенно въ первой, но въ немалой степени и во второй половинѣ XIX вѣка въ частности во французской жизни [2]).

II.

Отрицаніе демократической идеи, народовластія, всеобщаго избирательнаго права, отрицаніе широкаго вмѣшательства государства въ народную жизнь, а слѣдовательно и всякихъ намековъ на соціалистическія идеи, или, иначе говоря, аристократическія и индивидуалистическія тенден-

---

[1]) Jenseits von gut und böse, 1886—Werke, Taschen—Ausgabe 1906 г.; т. VIII, стр. 225,: «Taines, d. h. des ersten lebenden Historikers». Ср. по этому поводу Vie et Corr., 4, 220—1.

[2]) Нѣкоторый, хотя далеко не полный матеріалъ для исторіи французскихъ либеральныхъ доктринъ далъ въ послѣднее время Michel, l'Idée de l'état. Ср. также A. Schatz, l'individualisme économique et social P. 1907. Colin.

ціи,—таковы основныя положенія Тэна въ «Происхожденіи современной демократіи».

Таковы же и основныя положенія французской либеральной доктрины, какъ она установилась въ первыя десятилѣтія XIX вѣка.

Духовнымъ родоначальникомъ французскаго либерализма является правда уже Монтескье, но только во время великой революціи и подъ ея вліяніемъ начали сознательно противополагать его пониманіе свободы тому, представителемъ котораго сталъ Руссо и сущность котораго заключалась въ приравненіи свободы и народовластія. Идея демократіи была дискредитирована конвентомъ и установленнымъ имъ терроромъ. Народное верховенство и деспотизмъ руководимой демагогами толпы или власть опирающагося на ту же толпу деспота наполеоновскаго типа считались долгое время синонимами. Вотъ почему и госпожа де Сталь и Бенжаменъ Констанъ и доктринеры съ Ройэ-Колларомъ во главѣ стремятся устранить идею народовластія и оградить личность столь же тщательно отъ деспотизма народной массы, какъ и отъ деспотизма королевской власти [1]). Вотъ почему и доктринеры и «либералы» 20-хъ годовъ одинаково далеки отъ идеи всеобщаго избирательнаго права и мирятся съ огромнымъ цензомъ въ 300 франковъ прямыхъ налоговъ (до 1830 г.) и въ 200 франковъ прямыхъ налоговъ (послѣ 1830 г.) для активнаго избирательнаго права. Участіе

---

[1]) Vie et Corr., 3, 272 — 273: Ma seule thèse intime est contre le pouvoir arbitraire et absolu, soit de la foule, soit d'un individu. Un être humain, ou une collection d'êtres humains, qui est despote et qui ne subit pas le contrepoids d'autres pouvoirs, devient toujours malfaisant et fou, et la Convention, Napoléon ne valent pas mieux que Louis XIV.

народной массы, «подлой толпы» (vile multitude), какъ выражался Тьеръ въ 1850 г., въ политической жизни признается ими абсурдомъ: еще въ 1848 г. самая радикальная часть либераловъ, такъ называемая династическая лѣвая, выставляетъ на своемъ знамени пониженіе ценза лишь до 100 франковъ прямыхъ налоговъ, а когда февральская революція привела къ провозглашенію всеобщаго избирательнаго права, они спѣшатъ «исправить» эту ошибку закономъ 31 мая 1850 г., устанавливающимъ требованіе трехлѣтней осѣдлости и устраняющимъ около 3 милліоновъ гражданъ отъ избирательныхъ урнъ.

События 1848—51 г. не были способны измѣнить взглядъ либеральныхъ элементовъ французскаго общества на опасности народовластія и всеобщаго избирательнаго права. Соціалистическая агитація и вызванныя ею манифестаціи и мятежи весны 1848 г., приведшія въ конечномъ итогѣ къ страшной бойнѣ іюньскихъ дней [1]), многомилліонные повторные плебисциты въ пользу Наполеона III при избраніи его президентомъ республики въ декабрѣ 1848 г., послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 г., при провозглашеніи имперіи и т. д., наконецъ покорность избирателей по отношенію къ оффиціальнымъ кандидатурамъ въ законодательный корпусъ, избиравшійся снова на основаніи всеобщаго избирательнаго права, всѣ эти событія подтверждали, казалось, не только самыя худшія опасенія враговъ демократіи, но заставили и многихъ друзей ея усумниться въ возможности предоставить судьбы Франціи на усмотрѣніе «семи

---

[1]) Ср. мою книгу: Революція 1848 г. во Франціи (1908 г.), ч. II passim.

милліоновъ лошадей», какъ выражался другъ Тэна, молодой Prévost-Paradol [1]).

Между тѣмъ именно эти событія впервые заставили Тэна столкнуться съ вопросами политическаго характера. Когда разразилась февральская революція, ему еще не было 20 лѣтъ (род. 21 апрѣля 1828 г.), но онъ выдѣлялся уже среди своихъ товарищей, студентовъ Ecole normale, своей исключительной трудоспособностью и огромными для своего возраста знаніями, широтой своихъ умственныхъ запросовъ и строгостью своего мышленія.

Поколѣніе, къ которому онъ принадлежалъ, стояло на перепутьи. Господствовавшія доселѣ умственныя теченія, эклектизмъ въ философіи, романтизмъ въ литературѣ, теорія «золотой середины» (juste milieu) въ политикѣ, манчестерская теорія въ области экономической жизни, перестали удовлетворять передовые умы и находились въ состояніи распада [2]). Въ суровомъ сужденіи, которое произнесъ много лѣтъ спустя Тэнъ надъ тремя писателями, въ которыхъ онъ видѣлъ типичныхъ представителей этой эпохи, надъ Кузеномъ, Викторомъ Гюго и Тьеромъ, въ томъ обвиненіи въ шарлатанствѣ, которое онъ имъ бросилъ въ 1887 г., слышится откликъ страстнаго недовольства неясностью мысли, расплывчатостью понятій, искусной игрой двусмысленными терминами и образами, которое онъ испытывалъ въ юношескомъ возрастѣ, когда складывались его собственные взгляды, и которое вмѣстѣ съ нимъ испытывали многіе изъ его современниковъ [3]).

---

[1]) Ср. Vie et Corr., I, стр. 191. О Prévost-Paradol есть интересная работа Gréard.

[1]) Ср. Giraud, essai, стр. 6—11.

[2]) Vie et Corr., 4, 238: Les trois écrivains, qui ont eu le plus d'autorité de 1840 à 1870, M. Cousin, M. Thiers et Victor Hugo n'ont

Борьба противъ умственнаго «шарлатанства» и за строгую точность и обоснованность каждаго положенія и каждаго дѣйствія стала рано одной изъ наиболѣе характерныхъ сторонъ его психическаго склада и всей его дѣятельности [1]).

Какъ многіе изъ его сверстниковъ, онъ чувствовалъ непобѣдимую потребность выйти изъ заколдованнаго круга общихъ мѣстъ, квазинаучныхъ и квазиглубокихъ сужденій, господствовавшихъ въ окружавшей его средѣ. Какъ многіе изъ нихъ, онъ искалъ спасенія отъ нихъ въ нѣмецкой философіи, особенно у Гегеля [2]), и въ наукѣ, въ точныхъ фактахъ и строгой методической ихъ разработкѣ. Культъ науки—такова характерная черта зарождающагося новаго умственнаго теченія: l'Avenir de la Science Ренана, трудъ, появившійся въ печати лишь въ 1890 г., но написанный въ 1848—1849 г., является характернымъ отраженіемъ этого теченія. «Итакъ, наука это религія; одна только наука будетъ впредь создавать символъ вѣры; одна только наука можетъ разрѣшить человѣку вѣчныя

---

pas aimé la verité, mais leur gloire; aucun d'eux n'est digne de confiance et dans tous il y a quelques traits du charlatan.

[1]) E. Faguet, Politiques et moralistes du XIX siecle, III, стр. 237—238: La faculté maîtresse de Taine, c'était la probité... Il avait horreur non seulement de tout mensonge, mais de tout charlatanisme et de tout semblant de charlatanisme. L'à peu près et une certaine habileté à le présenter avec des dehors honorables en est un; la confusion, le pêlo-mêle, le vague plus ou moins poétique, le rêve, ou, sinon le rêve, la complaisance à donner ses rêves pour des choses que l'on peut considérer comme des croyances, ou comme des choses où l'on peut puiser de croyances, en est un aussi .. Il avait la passion du précis; c'était quelque chose comme un esprit loyal. Ср. Monod, назв. соч. 141 - 142.

[2]) Вліяніе Гегеля на Тэна выяснено достаточно хорошо въ работѣ Giraud, pass. Ср. Phil. class., I изд., стр. 126—7.

проблемы, разрѣшенія коихъ властно требуетъ его природа» [1])—подъ этими словами молодого Ренана могъ бы подписаться и Тэнъ [2]).

Работа, предстоявшая молодому поколѣнію, была огромна. Она была столь всеобъемлющаго характера, что ни одинъ человѣкъ въ отдѣльности не могъ ея совершить цѣликомъ. Самъ Тэнъ правда мечталъ о томъ, что онъ займется по окончаніи нормальной школы «соціальными науками, политической экономіей и естественными науками» [3]), но даже его поистинѣ изумительная трудоспособность не могла совладать съ той непосильной задачей, которую онъ себѣ поставилъ. Впослѣдствіи онъ признавался, что «въ теченіе сорока лѣтъ онъ занимался лишь прикладной или чистой психологіей» [4]).

Въ частности политическіе вопросы какъ таковые интересовали его очень мало, и даже февральская революція, взбудоражившая все французское общество, мало коснулась его. Подобно тому, какъ Ренанъ ушелъ весною 1848 г. въ работу о средневѣковомъ греческомъ языкѣ,

---

[1]) Ср. E. Rénan, l'Avenir de la science, стр. 108.

[2]) Ср. статью Тэна объ О. Контѣ въ «Journal des Débats», отъ 6-го іюля 1864 г. (привед. у Giraud, Essai, 43—44): La naissance et le développement des sciences positives est depuis trois siecles l'évènement capital de l'histoire. Aucune autre construction humaine, ni l'État, ni la religion, ni la littérature ne peut se considérer comme inébranlable... Au contraire, l'accroissement des sciences est infini... On peut prévoir qu'il arrivera un temps où elles règneront en souveraines sur toute la pensée comme sur toute l'action de l'homme, sans rien laisser à leurs rivales qu'une existence rudimentaire, pareille à celle de ces organes imperceptibles qui, dans une plante ou dans un animal, disparaissent presque absorbées par l'immense accroissement de leurs voisins.

[3]) Vie et Corr., I, 57 (1849 г.).

[4]) Vie et Corr., IV, 333 (отъ 9-го декабря 1891 г.).

а затѣмъ лѣтомъ и ранней осенью въ подготовку къ экзамену на званіе agrégé de philosophie [1]), такъ все вниманіе Тэна было сосредоточено на философскихъ проблемахъ, и только бесѣды и переписка съ Прево-Парадолемъ и другими товарищами заставляли его обращать вниманіе на политическіе вопросы времени. Принадлежа по своему происхожденію къ той мелкой провинціальной буржуазіи, которая по справедливому замѣчанію его біографа Жиро была въ своей массѣ вполнѣ удовлетворена режимомъ іюльской монархіи, онъ поддался повидимому въ извѣстной мѣрѣ настроенію своихъ товарищей, изъ коихъ въ особенности талантливый Prévost-Paradol имѣлъ на него несомнѣнное вліяніе, и воспринялъ нѣкоторые изъ популярныхъ среди оппозиціонной интеллигенціи того времени взглядовъ, какъ то идею народовластія [2]) и республики [3]), и идею всеобщаго избирательнаго права [4]). Но

---

[1]) Rénan, l'Av. de la science, préf. I.

[2]) Vie et Corr., 1, 265: mon grand dogme de la souveraineté de la nation (письмо къ матери, отъ 7-го іюня 1852 г.).

[3]) Во времена второй имперіи Тэнъ никогда не переставалъ числиться въ рядахъ республиканской оппозиціи.

[4]) Ср. Vie et Corr., I, 191: Le raisonnement qui donnait droit au suffrage universel est toujours le même, et pourtant la vérité n'a pas changé. S'il y a, comme tu dis, sept millions de chevaux en France, ces sept millions ont le droit de disposer de ce qui leur appartient. Qu'ils gouvernent et choisissent mal, n'importe. Le dernier butor a le droit de disposer de son champ et de sa propriété privée; et pareillement une nation d'imbéciles a droit de disposer d'elle même, c'est à dire de la propriété publique. Ou niez la souveraineté de la volonté humaine et toute la nature du droit, ou obéissez au suffrage universel. Письмо написано 10-го января 1852 г. по выясненіи результатовъ плебисцита, оправдавшаго переворотъ 2-го декабря 1851 г. и вызвавшаго протестъ Prévost-Paradol'я противъ всеобщаго голосованія. Ср. Vie et Corr., I, 185 и особ. ib., I, 198—

и тогда онъ рѣшительно отвергалъ «тираннію толпы», вытекавшую изъ ученія Руссо [1]), и то право государства на неограниченное властвованіе надъ личностью, которое признавали за нимъ радикалы и соціалисты временъ февральской революціи. «У меня только два твердыхъ политическихъ убѣжденія», писалъ онъ въ 1849 г. «Первое заключается въ томъ, что право собственности безусловно (absolu); я хочу сказать, что человѣкъ можетъ присваивать себѣ вещи безъ какихъ-либо оговорокъ, дѣлать съ ними, что онъ хочетъ, уничтожить ихъ, разъ онъ этого захочетъ, давать ихъ въ посмертный даръ и т. д.; что собственность такъ же, какъ и индивидуальная свобода, есть право болѣе давнее, чѣмъ государство... Второе заключается въ томъ, что всѣ политическія права гражданъ сводятся къ одному единственному, а именно къ праву давать либо явно либо молчаливо свое согласіе на существованіе данной формы правительства, и что слѣдовательно всѣ формы правительства сами по себѣ безразличны и заимствуютъ свою законность лишь у согласія націи» [2]).

Ни идеалистическія увлеченія, ни тѣмъ болѣе высокопарная фразеологія революціонныхъ дней не захватили молодого студента. Скорѣе наоборотъ. Соціалистическія идеи, игравшія такую огромную роль въ движеніи 48 г., были и оставались ему совершенно чужды, несмотря на

201, гдѣ народная воля называется «la chose sainte et inviolable» и отвергается идея о правѣ какой-либо «minorité éclairée» навязывать свою волю народу.

[1]) Ср, Vie et Corr., I, 100–101 (отъ 11 го ноября 1849 г.).

[2]) Ср. Vie et Corr., I, 85... (le droit) de consentir à la forme de gouvernement existante, soit explicitement, soit tacitement...

то, что вся атмосфера парижской жизни сороковыхъ годовъ была ими насквозь пропитана: ни тогда, ни позднѣе въ его перепискѣ не замѣтно, чтобы онъ былъ сколько-нибудь ими затронутъ. Онѣ отталкивали его и своимъ мистицизмомъ и своими посягательствами на индивидуальную свободу и преувеличеннымъ по его мнѣнію вниманіемъ къ матеріальному благополучію: «соціалистическіе философы», писалъ онъ 11-го декабря 1851 г. «провозгласили своимъ принципомъ любовь, что было хорошо въ мистическую эпоху Христа; они нападали на независимость и божественность (la divinité) личности, что противорѣчило всему современному движенію; они проповѣдовали всеобщее матеріальное благополучіе, чѣмъ создаются жакеріи, но не революціи» [1]). «Великое зло нынѣшняго соціализма», писалъ онъ 20 лѣтъ спустя во время коммуны [2]), «заключается въ томъ, что въ отличіе отъ протестантизма или даже отъ католицизма временъ лиги въ основѣ его нѣтъ моральнаго принципа, идеи внутренней и личной реформы воли и сердца. Это лишь система и союзъ вожделѣній, зависти и всѣхъ разрушительныхъ страстей». Указаніе Тэна на необходимость «внутренней и личной реформы воли и сердца», какъ на условіе для осуществленія той реорганизаціи общества, о которой мечтаютъ соціалисты, несомнѣнно касается наиболѣе слабаго пункта современнаго соціализма, и тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что въ своей совокупности взглядъ Тэна на соціализмъ не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы онъ отдалъ себѣ ясный отчетъ во всей сложности соціалистическихъ системъ, о коихъ онъ судилъ повиди-

---

[1]) Vie et corr. I, 171. Ср. I, 32.—I, 61-62.—I, 81.
[2]) Vie et corr. III, 138—139.

мому не столько по трудамъ ихъ основателей, сколько по уличному соціализму 1848 и 1871 годовъ.

Такъ же чуждъ, какъ соціализмъ, остался ему и тотъ мистическій демократизмъ, представителемъ котораго былъ напр. Мишле съ его своеобразнымъ и крайне любопытнымъ культомъ народа и его инстинктивной мудрости [1]). Единственнымъ слѣдомъ вліянія Мишле можно, пожалуй, признать одно письмо, написанное Тэномъ въ мартѣ 1849 г., въ которомъ онъ противополагаетъ политическій инстинктъ массъ и сознательныя сужденія «философовъ» взглядамъ «презрѣнной толпы» полуобразованныхъ людей, лишенныхъ «слѣпого, но вѣрнаго» инстинкта народа и не знающихъ выводовъ «непогрѣшимой» науки, а потому вдвойнѣ неспособныхъ къ политической жизни [1]). Но и тутъ онъ очень далекъ отъ любовнаго отношенія Мишле къ народу, когда говоритъ о «невѣжественныхъ и животно грубыхъ (brutales) массахъ» [2]).

Исходя изъ убѣжденія, что необходимо основательное,

---

[1]) Ср. Гриммъ, Революція 1848 г. во Франціи, ч. I, стр. 60.

[2]) Ср. ancien régime стр. 270—276 доказательства разумности того, что Тэнъ называетъ préjugé historique и въ частности обычая. Въ основѣ этихъ соображеній лежитъ уже не взглядъ Мишле на народъ, а идеи дарвинистическаго характера.

[3]) Vie et Corr., I, 73 — 74: Les masses ignorantes et brutales ont l'aveugle instinct qui les conduit et qui sauve les Etats à travers toutes les révolutions. Il n'y a point de milieu entre l'ignorance du paysan, qui vôte selon l'intérêt de son camp et le bruit de son village, et la science du philosophe, qui vôte selon ses doctrines métaphysiques et ses opinions d'histoire. Entre ces deux limites extrèmes roule cette foule méprisable de demi-savants dogmatiques, qui ont l'ignorance du paysan et la confiance du philosophe; c'est de leurs rangs que sortent tous les ambitieux et tous les hommes dangereux; ce sont eux qui font tout le mal, parce que privés de l'instinct qui est aveugle, mais sûr, et de la science, qui est infaillible, ils manquent de ce qui soutient les sociétés et guide les révolutions.

научное знакомство съ политическими вопросами, чтобы участвовать въ политической жизни, и не признавая себя достаточно подготовленнымъ въ этой области, Тэнъ не только самъ воздержался отъ всякаго участія въ политической жизни—онъ не воспользовался даже своимъ правомъ голоса при происходившихъ въ 1849 г. выборахъ въ законодательное собраніе [1]),—но относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ политической дѣятельности вообще [2]) и политическимъ партіямъ и дѣятелямъ въ частности [3]).

Государственный переворотъ 2 декабря 1851 г. съ послѣдовавшимъ за нимъ безобразнымъ разстрѣломъ невооруженной толпы фрондирующихъ обывателей на парижскихъ бульварахъ заставилъ Тэна лишь на короткое время снова заинтересоваться событіями политической жизни. Онъ рѣшительно осудилъ образъ дѣйствій «г. Бонапарта» и отказался исполнить предъявленное ему въ качествѣ преподавателя неверскаго лицея требованіе выразить письменное одобреніе клятвопреступленію будущаго императора [4]). Но такъ же мало какъ Наполеону

---

[1]) Vie et corr., I, 85—86. Ср. Origines т. I préface. Необходимо имѣть въ виду, что выборы вызывали чрезвычайно большой интересъ въ обществѣ и сопровождались интенсивной агитаціей. Ср. хотя бы de la Gorce, hist. de la seconde républ. franç. т. II, 121—140.

[2]) Vie et corr., I, 50 (отъ 22 февраля 1849 г.): es tu maintenant ambitieux d'une place de journaliste, d'un rôle politique, d'une vie de discussion contre le catholicisme et de pamphlets contre les bourgeois? Ср. ess. de crit. стр. 278: pour moi, qui aime fort peu la politique, et beaucoup l'histoire...

[3]) Ib. I, 87, 167, 251, 255, 321. II, 58, 180 и т. д.

[4]) Ib. I, 175—176 и 178. Ср. I, 166: pas de protestation. Nous sommes des atomes, nous serions... ridicules... Les grands corps et les hauts personnages peuvent seuls protester. Mais pas de soumission,

онъ сочувствовалъ разогнанному имъ національному собранію [1]), и въ особенности тѣмъ народнымъ движеніямъ, которыя произошли въ рядѣ департаментовъ, и въ которыхъ онъ видѣлъ лишь результатъ соціалистической агитаціи демагоговъ и грабительскихъ инстинктовъ толпы [2]). «Что за некрасивая вещь эта политика», пишетъ онъ 9 декабря 1851 г. «Высокопоставленныя лица воруютъ общественную свободу, разстрѣливаютъ три или четыре тысячи человѣкъ и совершаютъ клятвопреступленіе; народъ, который имъ враждебенъ, воруетъ частную собственность и убиваетъ. Протянуть руку кому-либо изъ нихъ! Я предпочелъ бы, чтобы мнѣ ее отрубили. Я не рѣшаюсь желать кому либо изъ нихъ успѣха. Что лучше, президентство à la Russe или жакерія тайныхъ обществъ? Побѣда народа вызвала бы, быть можетъ, грабежъ и навѣрное гражданскую войну. Они захватили бы власть, озлобленные и жадные, но безъ идеи, или разъединенные тремя или четырьмя нелѣпыми и дискредитированными доктринами... Г. Бонапартъ не хуже другихъ» [3]). Между «мошенниками (coquins) сверху и мошенниками снизу» положеніе «порядочныхъ и мыслящихъ людей» представляется безнадежнымъ [4]). «Только наука, литература, воспитаніе, медленный прогрессъ идей могутъ насъ **вызволить** изъ этой грязи. Я подчиняюсь на многіе годы необходимости (je me résigne) не принадлежать ни къ какой пар-

---

pas d'adhésion, si on nous en demande; un vote convenable (при плебисцитѣ) et tel que tout homme d'honneur le portera. Voilà ma conduite.

[1]) Ib. I, 168.

[2]) Ib. I, 167 (отъ 9 дек. 1851). 170 (отъ 11 дек. 1851 г.).

[3]) Ib. I, 167.

[4]) Ib. I, 170.

тіи, ненавидѣть ихъ всѣ, страстно желать появленія единственной изъ нихъ, за которой можно слѣдовать, партіи науки и чести» [1]. «Какъ говорилъ Сократъ, только мы занимаемся истинной политикой, ибо политика и наука одно и тоже (la politique étant la science). Всѣ остальные лишь приказчики (commis) и дѣльцы (faiseurs d'affaires)» [2].

При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что Тэнъ подчинился немедленно рѣшенію плебисцита «семи милліоновъ лошадей», высказавшихся за Бонапарта [3], и въ отличіе отъ Жюля Симона, Вашеро и др. принесъ ему требуемую присягу [4], несмотря на то, что онъ отнюдь не обманывалъ себя насчетъ характера предстоящаго режима, въ прочности котораго онъ не сомнѣвался [5]. «Противъ идей онъ (Наполеонъ III) будетъ опираться на все, что имъ враждебно: на животную дисциплину арміи, на эгоизмъ и трусость собственниковъ, на деревенскія легенды, на великаго гасителя, на духовенство. Эполеты будутъ защищать рясу», писалъ онъ уже 9 декабря 1851 г. [6]. Причину крушенія республики онъ усматривалъ въ политической незрѣлости общества и въ недостаткѣ идеализма. «За послѣднія 60 лѣтъ Франція находится въ состояніи постоянныхъ волненій», писалъ онъ матери въ декабрѣ того же года, «переходя отъ монархіи къ республикѣ, отъ свободы къ господству власти. Это будетъ еще долго продолжаться. Мы слишкомъ демо-

[1]) Ib. I, 168.
[2]) Ib. I, 172.
[3]) Ср. выше стр. 11, пр. 4.
[4]) Vie et corr. I, 236, 265.
[5]) Ib. I, 205 (отъ 5 февраля 1852 г.).
[6]) Ib. I, 169, 170–1.

кратичны и слишкомъ мало демократичны, чтобы терпѣть то или другое, но либеральныя идеи проникаютъ съ каждымъ днемъ все глубже и укрѣпляются. По прошествіи семи или восьми революцій онѣ будутъ безъ сомнѣнія господствующими» [1]). «Чѣмъ дольше я живу», писалъ онъ въ то-же время одному другу, «тѣмъ больше я убѣжденъ, что идеи еще не созрѣли. Молодые либералы просто насильники (violents) и, разъ ихъ темпераментъ успокоился, по необходимости обращаются въ жандармовъ. Большинство изъ нихъ отрицаетъ принципы, утверждаетъ, что сила есть право и что политикѣ надлежитъ заниматься лишь интересами. Наиболѣе смѣлые высказываютъ это. Почти всѣ думаютъ такъ. Надо было жить въ монастырѣ (т. е. въ école normale), какъ мы, чтобы вѣрить въ идеи и любить ихъ» [2]).

Пренебрежительное отношеніе, установившееся къ этому времени въ широкихъ кругахъ общества по отношенію къ принципіальнымъ спорамъ, и склонность «обожествлять факты» [3]) возмущали его не менѣе чѣмъ многочисленные примѣры трусливаго угодничества и измѣны убѣжденіямъ [4]). Было бы однако ошибочно думать, что во всѣхъ этихъ сужденіяхъ и замѣчаніяхъ выражается страстная привязанность къ республиканскому строю и демократической идеѣ. Какъ нѣкогда Вольтеръ, Тэнъ въ сущности дѣйствительно цѣнилъ и понималъ лишь одинъ видъ свободы, свободу мысли и слова. Вторая имперія

---

[1]) Ib. I, 163.

[2]) Ib. I, 169.

[3]) Ib. I, 171:.. c'est maintenant une mode de bafouer les principes pour diviniser les faits. Ср. ib. 172: je m'etonne chaque jour davantage de la platitude et de l'engourdissement universels.

[4]) Ib. I. 167.

возмущала его особенно своимъ союзомъ съ клерикализмомъ, и во всей его перепискѣ за время ея существованія отмѣчаются только тѣ проявленія деспотизма и реакціи, которыя имѣютъ отношеніе къ этой области жизни [1]).

Безумныя увлеченія 1848 г., безпринципная борьба партій 1849—1851 г., готовность общества броситься въ объятія Бонапарта, всеобщая тенденція къ «дѣловитости» и прожиганію жизни въ соединеніи съ лицемѣрнымъ или искреннимъ подчиненіемъ католической церкви въ 50-е годы—все это до крайности усилило пренебрежительное отношеніе Тэна къ человѣку вообще и къ народу въ частности [2]).

Это пренебрежительное отношеніе къ людямъ становится однимъ изъ основныхъ моментовъ его умственной жизни и пріобрѣтаетъ огромное вліяніе на его общественное міросозерцаніе. Знакомство съ провинціальнымъ обществомъ, среди котораго онъ работалъ въ теченіе 1851—1852 г. (въ качествѣ преподавателя въ Неверѣ и Безансонѣ [3]), лишь усилило тяжелыя впечатлѣнія, полученныя имъ еще раньше [4]): «я открылъ, что провинція находится еще на уровнѣ XIII вѣка», писалъ онъ весною

---

[1]) Ib. I, 188—9, 203, 210, 228-229, 243—4, 253, 259, 265, 269, 275, 301, 332—3 и т. д. Ср. I, 114 пр. 3; 123 пр. 2 и особ. 230—231. Характерно также, что во всѣхъ четырехъ томахъ его переписки нѣтъ ни одного замѣчанія, свидѣтельствующаго о томъ, чтобы Тэнъ при всей его чуткости когда-либо реагировалъ на тяжелыя условія жизни народной массы.

[2]) Ср. Monod назв. соч. 151.

[3]) Ср. Vie et corr. I, 130, 307—308.

[4]) Ib. I, 53, 54 и особ. 58: j'en suis venu à un grand mépris des hommes и т. д.

1852 г. [1]). «Провинція и Парижъ это два разныхъ міра» [2]). Проживъ всю свою жизнь до этого времени въ замкнутомъ мірѣ своей семьи и тѣхъ школьныхъ интернатовъ, которые онъ впослѣдствіи такъ сурово осудилъ въ послѣднемъ томѣ своихъ Origines [3]), онъ привыкъ къ тихой и чистой атмосферѣ интенсивныхъ умственныхъ интересовъ, которые поглощали все его вниманіе, и былъ пораженъ не только умственной отсталостью, но не въ меньшей степени грубой пошлостью обыденныхъ житейскихъ отношеній и интересовъ [4]). Болѣзненно чуткій по натурѣ [5]), полный художественныхъ запросовъ [6]) онъ

[1]) Ib. I, 246.

[2]) Ib. I, 236 - 7. Ср. I, 240.

[3]) Régime moderne т. II, стр. 255 сл.

[4]) Vie et corr. I, 141, 144, 150, 155, 156 - 7, 180, 182. Ср. I, 289: un esprit, qui est ouvert à tout, le contraire du bourgeois. C'est le mot. Ср. Carnets de voyage и Notes sur Paris passim.

[5]) На это обратилъ вниманіе уже Giraud, essai, 5: «un simple et un candide... la sensibilité frémissante, naive et un peu craintive». Ср. свѣдѣнія объ автобіографическомъ романѣ, начатомъ Тэномъ и не оконченномъ въ Vie et Corr. II, 191: героемъ романа былъ молодой Etienne Mayran «d'une intelligence précoce et d'une sensibillité souffrante». Ср. также de l'intelligence I[10], 78—79: Pour mon comte je n'ai qu'à un degré ordinaire celle (la mémoire) des formes, à un degré un peu plus élevé celle des couleurs. La seule chose, qui, en moi, se reproduise intacte et entière c'est la nuance précise d'émotion, âpre, tendre, étrange, douce ou triste, qui jadis à suivi ou accompagné la sensation extérieure ou corporelle; je puis renouveler ainsi mes peines et mes plaisirs les plus compliqués et les plus délicats, avec une èxactitude extrême, et à de très grandes distances; à cet égard, le chuchotement incomplet et défaillant a presque le même effet que la voix». Ср. замѣчанія Giraud, essai, стр. 62 по этому поводу.

[6]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся литературная дѣятельность этого poète-logicien, какъ его назвалъ J. Lemaitre. Съ раннихъ лѣтъ онъ удѣлялъ половину своихъ скудныхъ средствъ на покупку гравюръ.

почти физически страдалъ отъ прикосновенія жизни. «Монастырская» жизнь школы ему представлялась потерянымъ навсегда раемъ [1]), а общество его отталкивало, и только въ созерцаніи природы онъ находилъ отдыхъ и успокоеніе. Его любовь къ природѣ, унаслѣдованная имъ отъ рано умершаго отца [2]), имѣла поистинѣ страстный характеръ: по справедливому замѣчанію его біографа, Жиро, она доходила до размѣровъ античнаго культа [3]) и легла въ основаніе его пантеистическаго міросозерцанія [4]).

III.

Было бы однако ошибочно думать, что антидемократическіе взгляды Тэна вытекали исключительно изъ его отрицательнаго отношенія къ людямъ. Въ основѣ его политическихъ взглядовъ лежатъ болѣе глубокія соображенія, вытекавшія изъ его философскаго міросозерцанія и изъ выводовъ о природѣ человѣка, къ которымъ онъ пришелъ подъ вліяніемъ своихъ занятій естественными науками: изученію послѣднихъ онъ отдался со свойственной ему необычайной энергіей въ теченіе 1852 — 54 годовъ послѣ того, какъ онъ оставилъ службу въ «Университетѣ».

Тэнъ отнюдь не былъ пессимистомъ; не столько потому, что онъ считалъ научно невозможнымъ произносить какъ пессимистическое, такъ и оптимистическое сужденіе о

---

[2]) Vie et corr. I, 169.
[3]) Ib. I стр. 8—9.
[4]) Giraud. essai стр. 118—119.
[5]) Ib. 123—124.

мірѣ [1]), сколько потому, что онъ глубоко вѣрилъ въ божественную разумность міра: «чѣмъ больше созерцаешь природу, тѣмъ болѣе божественной находишь ее, божественной вплоть до ея скалъ и ея растеній» [2]).

Эта вѣра въ божественную разумность міра представляетъ центральный пунктъ въ міросозерцаніи Тэна. «Я нахожу природу въ сто разъ болѣе прекрасной съ тѣхъ поръ, какъ я продумалъ, что она изъ себя представляетъ», писалъ онъ уже 20 августа 1848 г. [3]); «когда я созерцаю теперь медленныя движенія деревьевъ, игру свѣта, богатство и роскошь всѣхъ этихъ формъ и всѣхъ этихъ цвѣтовъ, когда я слышу этотъ глухой, неопредѣленный, безпрерывный и гармоничный шумъ, который то нарастаетъ, то уменьшается въ лѣсу, я чувствую присутствіе міровой жизни (la présence de la vie universelle); я не смотрю больше на міръ, какъ на машину, а какъ на живое существо (un animal); я нахожу, что пустыня (la solitude) живетъ и говоритъ, и что душа легко звучитъ въ унисонъ съ той простой и какъ бы сонной жизнью, которой живутъ существа, низшія чѣмъ человѣкъ». «Такъ какъ ты свободный и знающій человѣкъ», писалъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя, «то твоимъ Богомъ можетъ быть только безконечное и совершенное все... Каждая часть міра несовершенна, ибо она находитъ свое дополненіе и остатокъ своего бытія въ остальныхъ его частяхъ, и такимъ

---

[1]) Vie et corr. 4, 333 (отъ 9 декабря 1891 г.): je le remercie aussi de ne m'avoir pas rangé, comme l'a fait m. Bourget, parmi les pessimistes. Etre pessimiste ou optimiste, cela est permis aux poètes et aux artistes, non aux hommes, qui ont l'esprit scientifique.

[2]) Ср. Barzelotti, philosophie de H. Taine 362—363.

[3]) Vie et corr. I, 28—9. Ср. ib. I, 59—60, 61: cette sorte de pantheisme pratique...

образомъ совокупность (le Tout) совершенна. Тѣ, которые отрицаютъ, что можно поклоняться этому Богу, не знаютъ духовныхъ восторговъ (les ravissements) науки» [4]).

«Если есть спиритуалисты въ истинномъ смыслѣ слова», писалъ онъ другой разъ въ отвѣтъ на обвиненія въ матеріализмѣ, «то это тѣ мыслители, дѣло которыхъ я защищаю. Они обожаютъ идеалъ, но они не хотятъ выражать его въ грубой аллегорической формѣ. Они стараются понять высшую красоту, но они не укладываютъ ея въ какіе-либо образы. Они полагаютъ, что источникомъ и концомъ вещей является творческій и божественный разумъ, но они не нуждаются въ томъ, чтобы олицетворить его, дабы его почуять» [1]).

Какъ бы ни относиться къ этому міропониманію, оно несомнѣнно имѣло рѣшающее значеніе при опредѣленіи взглядовъ Тэна на положеніе человѣка въ мірозданіи и въ обществѣ. Среди его бумагъ, часть коихъ издана въ видѣ приложеній къ его перепискѣ, нашелся между прочимъ любопытный набросокъ подъ заглавіемъ «Замѣтки къ главѣ о реставраціи и Людовикѣ Филиппѣ». Здѣсь мы читаемъ слѣдующія строки: «я только что прочиталъ Гюго, Виньи, Ламартина, Мюссэ, Готье, Сентъ-Бева какъ типичныхъ представителей поэтической плеяды 1830 г. Какъ всѣ эти люди ошибались! Какое ложное представленіе они имѣютъ о человѣкѣ и о жизни! Ихъ тема всегда такова: я хочу безконечнаго, идеальнаго, сверхчеловѣческаго счастья; я не знаю, въ чемъ оно состоитъ,

---

[4]) Vie et corr. I. 150—151.

[1]) Ib. II, 196—200:.. ils mettent une raison créatrice et divine à la source et au terme des choses, mais ils n'ont pas besoin de la personnifier pour la saisir. Ср. также Philosophes classiques 1 изд., 361—632 (цитир. у Giraud, 84—85).

но моя душа, моя личность имѣетъ право на безграничныя притязанія. Общество плохо устроено, земная жизнь неудовлетворительна; дайте мнѣ это возвышенное нѣчто или я разобью себѣ голову объ стѣну... До какой степени научное и историческое образованіе мѣняетъ точку зрѣнія! Матеріально и морально я—атомъ въ безконечности пространства и времени, побѣгъ на баобабѣ, отдѣльная особь въ чудовищномъ коралловомъ рифѣ, который наполняетъ весь океанъ и съ каждымъ поколѣніемъ подымается все выше надъ водой, оставляя свои безчисленные корни и развѣтвленія подъ ея гладью; то, что составляетъ мое я, проникло и проникаетъ въ меня черезъ стволъ, большой сукъ, вѣтвь и развѣтвленіе, концомъ котораго я являюсь; на одинъ моментъ и въ одной точкѣ я являюсь завершеніемъ, послѣднимъ проявленіемъ погибшаго палеонтологическаго міра, низшаго фоссильнаго человѣчества, всѣхъ возникавшихъ другъ надъ другомъ обществъ, которыя служили базой для современнаго общества, Франціи всѣхъ вѣковъ ея существованія, XIX вѣка, моей общественной группы, моей семьи. Я мыслилъ, я мыслю лишь соотвѣтственно суммѣ признанныхъ вокругъ меня фактовъ и установленныхъ направленій мышленія. Такія идеи сокращаютъ притязанія и обращаютъ волю индивидуума на какое-нибудь болѣе широкое, болѣе прочное и болѣе цѣнное явленіе, чѣмъ онъ самъ: на его семью, его отечество, человѣчество, науку и т. д. Въ смыслѣ практическаго совѣта онѣ говорятъ ему, что его притязанія смѣхотворны, что характеръ доступнаго для него счастія опредѣляется его инстинктами, что исторія выясняетъ его господствующіе инстинкты, что въ предѣлахъ современнаго цивилизованнаго міра все заставляетъ думать, что его главныя потребности (глубины которыхъ онъ

самъ не сознаетъ) будутъ заключаться въ наличности ремесла и семьи» [1])...

Находя утѣшеніе въ идеѣ разумности всего міра въ цѣломъ [2]), Тэнъ въ тоже время самъ былъ настолько зараженъ той литературой тридцатыхъ и отчасти сороковыхъ годовъ, основную особенность которой онъ указалъ въ выше приведенныхъ словахъ, что въ его интимной перепискѣ, несмотря на всѣ его научныя и философскія убѣжденія, постоянно пробивается протестъ противъ міра, какъ онъ есть. Въ высокой степени характерно, что его любимыми писателями были Альфредъ де Мюссэ и Маркъ Аврелій. «Странное соединеніе», писалъ онъ, «не правда ли? Но я нахожу въ первомъ всю мою тоску (tous mes ennuis), а второй говоритъ мнѣ о всеобщемъ цѣлебномъ средствѣ, о великой античной мысли, τὸ μηδὲν εἶναι» [3]).

Слова Гете:

Nach ewigen, ehrnen
Grossen Gesetzen
Müssen wir alle
Unseres Daseins
Kreise vollenden

---

[1]) Vie et corr. III, 309—311. Этотъ отрывокъ относится, повидимому, къ 1871 или 1872 году. Ср. стр. 309, пр. 1 и стр. 297, пр. 1. также ib., II, 95.

[2]) Ср. Vie et corr., I, 20—26, крайне любопытныя автобіографическія замѣчанія 1848 г. о ходѣ его умственнаго развитія и о томъ пути, которымъ онъ пришелъ къ пантеизму. — О послѣдующемъ вліяніи Гегеля уже было сказано выше.

[3]) Vie et corr., I, 214 (1852 г.). Еще въ 1851 г. (I, 173) онъ писалъ Marc Aurèle est mon catéchisme. Ср. ib., I, 342: Marc Aurèle, à demi découragé, triste, sceptique... est un Jésus Christ païen. Ср. также Nouveaux essais de critique et d'histoire, XII изд., стр. 95 — 108 и essais de crit. et d'hist. 293, о Христѣ, qui loue la résignation, qui glorifie la souffrance...

вполнѣ выражали и его глубочайшее убѣжденіе, но онъ самъ какъ-то замѣчаетъ, что это не даетъ ему возможности проникнуться свѣтлымъ настроеніемъ великаго поэта [1]). Подчасъ мысль, что онъ «атомъ», «приводитъ его въ бѣшенство» [3]). «Нельзя не поразиться тону глубокой печали, который слышится повсюду», говоритъ Жиро объ его замѣткахъ о Парижѣ, о провинціи, объ Италіи и т. д. «Куда бы онъ ни обратился, къ прошлому или къ настоящему, каковъ бы ни былъ объектъ, на который онъ бросаетъ свой взоръ, человѣкъ, общество, природа, повсюду Тэнъ замѣчаетъ лишь недостатки, слезы и несчастье» [3]).

Еще въ 1849 г. онъ констатируетъ самъ, что въ основѣ его духовной жизни лежитъ «постоянная и неустранимая печаль»: «мое единственное утѣшеніе», продолжаетъ онъ «заключается въ мысли, что все это лишь игра, которая продлится еще сорокъ или самое большее пятьдесятъ лѣтъ, и что заключеніемъ всего является отдыхъ, вѣчный, я надѣюсь, сонъ» [4]). «Всякій человѣкъ въ 20 лѣтъ—Вертеръ», пишетъ онъ пять лѣтъ спустя [5]); «въ тридцать лѣтъ достигаешь примиренія съ жизнью; какъ въ дилижансѣ васъ сначала обижаютъ и толкаютъ, но въ концѣ-концовъ устраиваешься и чувствуешь себя хорошо. Скверно то, что приходится уходить какъ разъ

---

[1]) Цитир. у Жиро, essai стр. 52: Peut être y a-t-il un défaut, dans toutes mes impressions: elles sont pessimistes. Il vaudrait mieux, comme Schiller et Goethe, voir le bien, comparer tacitement notre société, à l'état sauvage. Cela fortifie et ennoblit.

[2]) Vie et corr., II, 33: J'enrâge d'être un atome...

[3]) Giraud, Essai, 52.

[4]) Vie et corr., I, 91: J'ai donc un fonds de tristesse permanente et nécessaire..; ср. I, 310.

[5]) Ib., II, 78 (отъ 1854 г.).

въ тотъ моментъ, когда начинаешь чувствовать себя хорошо». «Я привезъ съ собою мое евангеліе, Марка Аврелія», пишетъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни Эмилю Бутми [1]); «для насъ, людей, которые прошли черезъ философію и науку, онъ является евангеліемъ: людямъ нашей культуры онъ говоритъ тоже самое, что Іисусъ говоритъ народу. Положите его на вашъ ночной столъ или на уголъ вашего бюро и читайте ежедневно три или четыре фразы; ихъ хватитъ, чтобы занять вашу мысль (votre rêverie) въ теченіе цѣлаго дня; я вамъ рекомендую въ особенности три послѣднія книги. Никогда никто не говорилъ такъ правдиво и такъ возвышенно о природѣ и о смерти... Вотъ поистинѣ послѣднее завѣщаніе всего античнаго міра, міра болѣе здороваго чѣмъ нашъ: приходится едва измѣнить нѣсколько формулъ, чтобы уложить въ немъ выводы нашихъ наукъ... Проникнемся резиньяціей какъ онъ, милый другъ: мотивы, которые онъ приводитъ, все еще сохраняютъ свою силу».

Резиньяція, скорбный стоицизмъ — таковъ въ конечномъ итогѣ практическій выводъ Тэна изъ всей совокупности его научнаго и жизненнаго опыта. Единственное практическое утѣшеніе онъ находитъ въ трудѣ [2]) и въ созерцаніи природы [3]). Но и трудъ его не удовлетворяетъ:

[1]) Ib., IV 274 (отъ 1888 г.). Ср. I, 98.

[2]) Ib., I, 241: Somme toute, travailler est encore le meilleur sort. On s'interesse a son ouvrage, l'ennui passe, on a détruit le temps et sans s'en douter on approche du grand repos. On perd à mesure qu'on vit toutes ses espérances. Ср. I, 278–9, 310: Je ne regarde plus guère l'étude que comme une sorte d'opium, bonne pour panser l'amour propre, tuer l'ennui et épuiser l'activité surabondante du cerveau. I, 328. II, 42, 119, IV, 30..: Il n'y a que ces grandes généralités pour nous verser l'opium necessaire...

[3]) Ib., I, 268: La campagne est un opium pour les cerveaux tourmentés.

вѣдь это лишь своего рода опій противъ остраго чувства неудовлетворенности жизнью, средство устранить тоску, такая же въ существѣ дѣла нелѣпая игра какъ уженіе рыбы или игра въ шахматы [1]). «Мы дѣйствуемъ серьезно, не принимая самихъ себя въ серьезъ» [2]).

Всѣ эти чувства и настроенія проявляются съ особой силой въ его перепискѣ.

Теоретически Тэнъ признавалъ себя обязаннымъ не давать имъ волю въ своихъ сочиненіяхъ, тѣмъ болѣе, что онъ считалъ «неприличнымъ (indécent) выставлять свое сердце на показъ». Но помимо его воли его господствующее настроеніе отражалось въ частности на его историко-философскихъ взглядахъ. «Сколько развалинъ и что это за кладбище — исторія»! восклицаетъ онъ. «Сколько человѣческихъ волненій, отъ которыхъ не осталось другого слѣда, кромѣ изваянной изъ куска камня формы! Какъ безучастна улыбка мирнаго солнца, какъ жестока красота лучезарнаго купола, возвышающагося надъ смѣняющими другъ друга поколѣніями... Вы читали эти мысли въ книгахъ и относились къ нимъ съ надменностью юности, какъ къ фразамъ, но когда человѣкъ прожилъ половину своей жизни и когда, бросивъ взоръ на свое я, онъ подсчитываетъ, сколько онъ заглушилъ въ себѣ притязаній, сколько онъ вырвалъ изъ себя надеждъ, сколько покойниковъ онъ носитъ съ собой въ своемъ сердцѣ, тогда его поражаютъ одновременно и ве-

---

[2]) Ib., II, 33 (отъ 1854 г.): Je commence à estimer les gens qui jouent aux échecs et pêchent à la ligne. Nous faisons à peu prés la même chose. Partout où je regarde, je ne vois que des gens faisant des choses infiniment peu utiles.

[3]) Ib., II, 126: Et nous agissons sérieusement sans nous prendre au serieux. Ср. II, 130.

ликолѣпіе и жестокость природы, и глухое рыданіе его внутреннихъ похоронъ дѣлаетъ ему доступнымъ болѣе громкій стонъ, стонъ человѣческой трагедіи, которая разыгрывается изъ вѣка въ вѣкъ, чтобы повергнуть столько борцовъ въ одну и ту же могилу. Онъ останавливается, чувствуя надъ своей главой, какъ и надъ главой другихъ людей, власть роковыхъ силъ, и онъ понимаетъ свое положеніе. Человѣчество, членомъ котораго онъ является, похоже на флорентинскую статую Ніобеи: вокругъ нея безпрерывно падаютъ ея дочери и ея сыновья, всѣ, кого она любитъ, пораженные стрѣлами невидимыхъ стрѣлковъ... А она, холодная и спокойная, возвышается надъ ними безъ надежды и, поднявъ глаза къ небу, созерцаетъ съ удивленіемъ и ужасомъ ослѣпляющій и мертвящій блескъ солнца, неотразимыя стрѣлы и неумолимый, ясный ликъ боговъ» [1]).

Его взгляды на сущность историческаго процесса носятъ на себѣ тотъ же слѣдъ глубокой раздвоенности его я, который такъ ярко бросается въ глаза въ его отношеніи къ міру вообще. Съ одной стороны онъ признаетъ, что «нѣтъ ничего болѣе прекраснаго чѣмъ справедливость» и заявляетъ, что только въ человѣчествѣ и его исторіи она находитъ себѣ осуществленіе: «я люблю исторію», пишетъ онъ Гильому Гизо въ 1855 г., «потому что она позволяетъ мнѣ присутствовать при ея (т. е. справедливости), зарожденіи и прогрессивномъ развитіи; она мнѣ кажется тѣмъ болѣе прекрасной, что она мнѣ представляется послѣдней стадіей развитія природы. Повсюду надъ нами и подъ нами властвуетъ сила, слѣпые законы осуществляются въ установленномъ порядкѣ, и

[1]) Voyage en Italie, II [13], 79—80.

ихъ непоколебимая система создаетъ міръ со всѣми несчастьями и смертью индивидуумовъ. Это мы зажигаемъ свѣтъ права и справедливости и являемся его носителями среди безнравственности природы и насилій исторіи: не стоило бы быть человѣкомъ, если бы намъ не было суждено видѣть его и любить его» [1]).

Въ данномъ случаѣ въ немъ говоритъ человѣкъ, воспитанный на литературѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. А вотъ и обратная сторона медали. «Если бы эти жалкія существа жили хоть въ мирѣ другъ съ другомъ!», восклицаетъ онъ въ своихъ замѣткахъ о Парижѣ. «Тебѣ говорили, что это такъ и есть; тебѣ повторяли, что въ каждой народности — всѣ союзники, всѣ трудятся надъ общимъ благомъ, всѣ, кромѣ нѣкоторыхъ наказываемыхъ по заслугамъ мародеровъ, вѣрно соблюдаютъ первичныя соглашенія. Это не вѣрно, и нужно, чтобы ты зналъ, что это невѣрно... Смотри истинѣ смѣло въ глаза. Человѣкъ по природѣ и по структурѣ животное, а ни природа, ни структура никогда не допускаютъ устраненія своихъ основныхъ особенностей. У него клыки какъ у собаки или у лисицы, и какъ собака и лисица онъ съ самаго начала своего существованія, впивался ими въ мясо другихъ. Его потомки убивали другъ друга каменными ножами изъ-за куска сырой рыбы. И въ настоящее время онъ не преобразился, онъ лишь смягчился. Война царитъ какъ прежде; она лишь ограничена предѣлами и имѣетъ частичный характеръ; каждый сражается все еще за свой кусокъ сырой рыбы; но онъ дѣлаетъ это подъ надзоромъ жандарма и не при помощи каменнаго ножа» [2]).

---

[1]) Vie et Corr., II, 121—122 (отъ 25-го октября 1855 г.).

[2]) Notes sur Paris, изд. 1867 г., стр. 321—322.

«То, что мы называемъ въ человѣкѣ разумомъ, не есть врожденный, первоначальный и постоянный даръ, а позднее пріобрѣтеніе и хрупкое сложное явленіе... Строго говоря, человѣкъ также безуменъ (fou) по природѣ, какъ его тѣло по природѣ — больное: здравость нашего ума, какъ и здоровье нашихъ органовъ представляется лишь частой удачей (une réussite fréquente) и счастливымъ случаемъ... Настолько же, насколько разумъ хромаетъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, настолько же рѣдко онъ встрѣчается въ человѣчествѣ. Общія идеи и послѣдовательное мышленіе встрѣчается лишь среди незначительной отборной части его... Разумъ не только не представляетъ естественнаго дара человѣка, всеобщаго явленія среди человѣчества, но вдобавокъ его вліяніе на поведеніе человѣка и человѣчества невелико... Явно или тайно онъ лишь удобный помощникъ, домашній и по своей природѣ подчиненный адвокатъ, которымъ владыки пользуются, чтобы отстаивать свои дѣла; если они уступаютъ ему мѣсто на глазахъ публики, то только изъ приличія... Владыки же человѣка, это — физическій темпераментъ, потребности тѣла, животный инстинктъ, наслѣдственный предразсудокъ, воображеніе, вообще господствующая страсть, въ частности личный или семейный, кастовый и партійный интересъ... Мы бы очень ошиблись, если бы думали, что люди по природѣ добры (bons), великодушны, исполнены симпатіи или по крайней мѣрѣ мягки, легко направляемы, готовы подчиняться соціальному интересу или интересу другого лица... Прежде всего, если нельзя сказать съ увѣренностью, что человѣкъ по своей крови отдаленный родичъ обезьяны, то не подлежитъ, по крайней мѣрѣ, сомнѣнію, что онъ по своей структурѣ животное, очень близкое къ обезьянѣ, обладающее клыками, пло-

тоядное и хищное, нѣкогда бывшее людоѣдомъ, а за симъ охотникомъ и воиномъ Отсюда постоянный фондъ животной грубости, жестокости, насильническихъ и разрушительныхъ инстинктовъ въ немъ»... Прибавьте къ этому манію стяжанія, возникшую въ немъ подъ вліяніемъ острой необходимости обезпечить себѣ пропитаніе, манію, особенно сильную среди класса, который, «будучи прикрѣпленъ къ землѣ, недоѣдаетъ въ теченіе 60 поколѣній, чтобы пропитать другіе классы»; прибавьте психическую возбудимость, обусловленную сравнительно болѣе тонкой умственной организаціей и создающую почву для «чудовищныхъ химеръ», увеличивающихъ выше всякой мѣры «его страхи, его надежды и его желанія» и вызывающихъ «эпидеміи легковѣрія и подозрительности, короче энтузіазмъ и панику». Не ясно ли, что противъ всѣхъ этихъ разрушительныхъ инстинктовъ «противъ дикаря, разбойника и безумца, которые скрываются въ каждомъ изъ насъ» есть только одно постоянное и дѣйствительное средство, а именно жандармъ [1])? Устраните его, какъ его устраняла политическая доктрина XVIII вѣка, и предъ вами очутится «жестокій и сладострастный горилла» (le gorille féroce et lubrique).

Но если это такъ, то куда дѣвается та идея справедливости, «зарожденіе и прогрессивное развитіе» которой придаетъ всей исторіи человѣчества ея цѣнность и смыслъ? По мнѣнію Тэна она представляетъ повидимому продуктъ стихійнаго процесса человѣческаго развитія, «послѣднюю стадію развитія природы», которая однако сама «безнравственна» и находится подъ властью «слѣпой силы».

---

[1]) Ancien régime, стр. 311—316.

Ясно, что какъ пантеизмъ не спасъ Тэна отъ страданія жизнью, такъ его строгій натурализмъ не помѣшалъ ему вѣрить, будто исторія человѣчества является исторіей «зарожденія и прогрессивнаго развитія справедливости» и представляетъ изъятіе изъ всеобщаго господства «силы». И было бы неправильно думать, что это лишь кажущіяся противорѣчія, что они объясняются постепеннымъ измѣненіемъ его взглядовъ. Еще въ 1877 г. онъ признавался Ж. Леметру, что у него имѣется своеобразный критерій для оцѣнки политическаго дѣятеля: «въ самомъ дѣлѣ», писалъ онъ ему [1]), «у меня есть критерій для исторіи общества; у меня были и есть другіе для исторіи искусства и науки. Существуетъ одна мѣрка для того, чтобы оцѣнивать философовъ, ученыхъ, другая мѣрка, чтобы оцѣнивать писателей, поэтовъ, живописцевъ, художниковъ. Существуетъ третья мѣрка, чтобы оцѣнивать политическихъ дѣятелей и всѣхъ людей практической сферы жизни: желалъ и сумѣлъ ли разсматриваемый человѣкъ уменьшить или по крайней мѣрѣ не увеличить общей суммы, нынѣшней и будущей, человѣческихъ страданій? Таковъ на мой взглядъ основной вопросъ по отношенію къ нему. Именно этотъ вопросъ я поставилъ относительно стараго порядка въ главѣ о народѣ, относительно революціи въ главѣ объ управляемыхъ». Можно соглашаться или не соглашаться съ указаннымъ критеріемъ, но не можетъ подлежать сомнѣнію, что устанавливая и примѣняя его, Тэнъ былъ далекъ отъ строго натуралистическаго отношенія къ исторіи общества, какъ къ суммѣ «превращеній насѣкомаго». «Кто будетъ возмущаться противъ геометріи? Кто въ особенности бу

[1]) Vie et Corr., 4, 236.

детъ возмущаться противъ живой геометріи (т. е. исторіи)?» [1]) спрашивалъ онъ въ знаменитыхъ заключительныхъ словахъ своего очерка о Байронѣ. Нетрудно убѣдиться въ томъ, что онъ самъ былъ склоненъ возмущаться противъ нея, т. е. противъ необходимыхъ результатовъ извѣстной суммы явленій, результатовъ, которые онъ предполагалъ изучать какъ натуралистъ.

Подчиняясь теоретически божественной разумности природы и слѣпой игрѣ законовъ природы, онъ въ тоже время «приходилъ въ бѣшенство при мысли, что онъ — атомъ» и старался убѣдить себя, что жизнь человѣчества ведетъ къ созданію чисто моральнаго блага, справедливости. Съ одной стороны онъ говоритъ: «пріучай себя подчиняться съ соблюденіемъ приличій тому, что необходимо» [2]), съ другой стороны онъ самъ «не принимаетъ міра», каковымъ онъ является по его мнѣнію на самомъ дѣлѣ.

Выше ужъ было указано, что въ этомъ сказывается ближайшимъ образомъ вліяніе той умственной атмосферы, среди которой Тэнъ выросъ. Онъ сознавалъ это и самъ какъ нельзя лучше, но онъ полагалъ, что противъ этой «болѣзни вѣка», наиболѣе славной жертвой которой онъ признаетъ Байрона, есть вѣрное средство.

«Вокругъ него (Байрона), точно гекатомба, лежатъ повержены другіе... Согласный звукъ ихъ жалобъ наполнилъ весь вѣкъ, и мы стояли вокругъ нихъ, прислушиваясь къ нашему сердцу, которое тихо повторяло ихъ крики. Мы были печальны какъ они и какъ они склонны

---

[1]) Hist. de la litt. angl., 4, 425.

[2]) Notes sur Paris, стр. 321: habitue toi à subir convenablement ce qui est necessaire.

къ бунту... Изъ этого созвучія возникла идея, центральная идея литературы, искусства и религіи вѣка, а именно, идея, что существуетъ какое то чудовищное несоотвѣтствіе между разными частями нашей структуры и что вся судьба человѣческая испорчена (vicіée) этимъ несоотвѣтствіемъ. Какіе совѣты дали они намъ, чтобы поправить зло? Они были велики, были ли они мудры? «Дай просторъ сильнымъ и глубокимъ чувствамъ; тѣмъ хуже, если за симъ твоя машина сломается!» — «Обрабатывай свой садъ, ограничь себя своимъ маленькимъ кругомъ, вернись въ стадо, стань вьючнымъ животнымъ!»—«Стань снова вѣрующимъ, окропи себя освященной водой, подчини свой умъ догматамъ и свое поведеніе прописямъ!»— «Иди своей дорогой, стремись къ власти, къ почестямъ, къ богатству». Вотъ разнообразные отвѣты художниковъ и буржуа, христіанъ и свѣтскихъ людей. Но развѣ это отвѣты?.. Есть другой болѣе глубокій отвѣтъ, который далъ впервые Гете, отвѣтъ, который мы начинаемъ подозрѣвать, который является завершеніемъ всего труда и всего опыта вѣка и который, быть можетъ, составитъ содержаніе будущей литературы: «Старайся понять себя и понять явленія». Странный отвѣтъ, который отнюдь не кажется новымъ и все значеніе котораго узнаютъ лишь позднѣе. Долго еще люди будутъ чувствовать, какъ въ нихъ дрожитъ симпатія при звукѣ рыданій ихъ великихъ поэтовъ. Долго еще они будутъ возмущаться противъ судьбы, которая открываетъ ихъ притязаніямъ просторъ безграничнаго пространства, чтобы разбить ихъ надежды за два шага до цѣли о жалкое препятствіе, котораго они не видѣли. Долго еще они будутъ видѣть лишь препятствія въ тѣхъ необходимостяхъ, которыя они должны бы были воспринимать (embrasser) какъ законы.

Наше поколѣніе, какъ и предшествующія, было захвачено болѣзнью вѣка и никогда не оправится отъ нея цѣликомъ. Мы доберемся до истины, но не до покоя. Все, что мы можемъ исцѣлить въ данный моментъ, это нашъ умъ: у насъ нѣтъ власти надъ нашими чувствами. Но мы въ правѣ питать для другихъ надежды на то, на что мы не надѣемся для самихъ себя, и подготовлять нашимъ потомкамъ счастье, которымъ мы сами никогда не будемъ наслаждаться. Воспитанные въ болѣе здоровой атмосферѣ, они, быть можетъ, будутъ обладать болѣе здоровой душой. Реформа въ области мыслей реформируетъ въ концѣ концовъ все остальное; умственный свѣтъ создаетъ просвѣтленное спокойствіе сердца». Достиженіе этого результата есть дѣло науки. Она должна пріучить человѣка къ мысли, что онъ лишь частица мірозданія, подверженъ его законамъ и долженъ соразмѣрять свои притязанія съ существомъ своей природы. [1]).

Только глубокая двойственность міросозерцанія Тэна и безграничный культъ науки, вѣра въ ея способность разрѣшить всѣ вопросы бытія, можетъ до извѣстной степени объяснить, почему Тэнъ не замѣтилъ, какъ плохо мирится его собственное представленіе о природѣ человѣка съ его же идеей о «здоровой умственной атмосферѣ», которой будетъ наслаждаться знающій свой шестокъ уравновѣшенный человѣкъ будущаго. Но въ данномъ случаѣ для насъ интересна не оцѣнка его взглядовъ, а выясненіе ихъ. И не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ міросозерцаніи Тэна уживались два совершенно противоположныхъ теченія.

Основной своей задачей онъ считалъ внѣдреніе въ

---

[1]) Hist. de la litt. angl., 4, 421—425.

общество точныхъ, естественнонаучныхъ взглядовъ на человѣка, на его положеніе въ мірозданіи и въ обществѣ.

Онъ льстилъ себя при этомъ надеждой, что онъ не выдастъ своего интимнаго настроенія человѣка, болѣющаго болѣзнью вѣка, иначе какъ въ перепискѣ съ друзьями, и что по крайней мѣрѣ въ своихъ собственно научныхъ трудахъ онъ явится строгимъ и послѣдовательнымъ представителемъ «научнаго духа». Какъ мы ужъ видѣли, эта надежда не оправдалась. Сочиненія его представляютъ крайне любопытную смѣсь стремленія къ «натуралистическому» объясненію явленій съ страстной субъективностью въ ихъ оцѣнкѣ, смѣсь принципіальнаго отрицанія всякаго вторженія морали [1]) или тѣмъ болѣе политики въ науку съ постояннымъ обращеніемъ къ моральнымъ и политическимъ критеріямъ, которые ему представляются настолько безспорными, что онъ смѣло объявляетъ ихъ научными положеніями, смѣсь преклоненія передъ природой съ протестомъ противъ нея.

Но какъ бы часто онъ ни доказывалъ своей склонности къ «бунту» противъ космоса, идея, что человѣку суждено подчиниться космосу, и что только въ добровольномъ и сознательномъ подчиненіи космосу заключается залогъ если не счастья, то довольства человѣка, эта идея остается центральнымъ пунктомъ его ученія и въ частности его политическихъ взглядовъ. Теоретически мѣриломъ цѣнности всякаго политическаго (и соціальнаго) ученія является для него его внутреннее соотвѣтствіе съ научно-установленной природой человѣческихъ инстинктовъ и человѣческаго ума. Только то ученіе имѣетъ право на существованіе, которое не игнорируетъ выводовъ есте-

[1]) Ср. хотя бы Vie et Corr., II, 121—122.

ственныхъ и историческихъ наукъ о природѣ человѣка, которое не основывается, какъ взгляды Руссо на этотъ предметъ, на совершенно произвольныхъ преположеніяхъ.

«Самое на мой взглядъ удивительное (въ исторіи революціи) заключается въ господствовавшемъ тогда взглядѣ на человѣка и на общество», писалъ онъ въ 1873 г. Гизо; «онъ отличается поразительной невѣрностью и находится вдобавокъ въ полномъ несогласіи съ тѣмъ, что учили первые умы эпохи, Вольтеръ, Монтескье, Бюффонъ. Предполагаютъ, что человѣкъ въ себѣ, абстрактный человѣкъ, первобытный и естественный человѣкъ по существу своему добръ и главное разуменъ, и на этомъ основаніи фабрикуютъ идиллію. Обыкновенно полагаютъ, что этотъ выводъ является строгимъ результатомъ философіи XVIII вѣка; все, что я могу сказать, это то, что разумъ, даже свѣтскій и чисто свѣтскій разумъ не мирится съ нимъ. Наука, по крайней мѣрѣ поскольку она точна и солидна, перестаетъ быть революціонной и становится даже антиреволюціонной.

Зоологія показываетъ намъ, что у человѣка клыки; остережемся же возродить въ немъ инстинктъ плотоядности и жестокости. Психологія показываетъ намъ, что разумъ человѣка опирается на слова и образы; остережемся обратить его въ галлюцинирующаго и сумасшедшаго. Политическая экономія показываетъ, что несоотвѣтствіе между количествомъ населенія и средствъ существованія есть постоянное явленіе: не забудемъ никогда, что борьба за существованіе продолжается даже среди благоденствія и мира, и остережемся содѣйствовать ея ожесточенію путемъ увеличенія взаимнаго недовѣрія конкуррентовъ. Исторія показываетъ, что государства, правительства, религіи, церкви, всѣ эти великія учрежденія

представляютъ единственныя средства, при помощи коихъ дикое животное — человѣкъ — пріобрѣтаетъ свою малую долю разума и (чувства) справедливости; остережемся же погубить цвѣтокъ, подрѣзая корень. Коротко говоря, мнѣ кажется, что свѣтская наука приводитъ къ осторожности и консерватизму, а не къ революціонному и разрушительному настроенію. Для этого достаточно, чтобы она намъ показала сложность и хрупкость соціальнаго организма: этого довольно, чтобы мы исполнились недовѣрія къ шарлатанамъ, къ панацеямъ, къ всеобщимъ радикальнымъ и простымъ цѣлебнымъ средствамъ; ученый вродѣ Клода-Бернара начинаетъ смѣяться, когда Распайль ему предлагаетъ исцѣлить всѣ болѣзни при помощи камфоры и алкоголя» [1]).

IV.

Первымъ выводомъ изъ указаннаго положенія является отрицаніе демократической идеи. Еще въ 1852 г. онъ пришелъ къ убѣжденію, что идея равенства людей, усвоенная имъ во времена его студенчества, невѣрна: «мы допускаемъ (такимъ образомъ) нелѣпую гипотезу, что всѣ люди—люди. Совсѣмъ нѣтъ: иногда случайно встрѣчаешь человѣка, остальные, это машины, которыя готовятъ намъ хлѣбъ и платья и которымъ, прибавлю я, почтительно кланяются» [2]). «Глупость, склонность къ насилію, невѣжество, трусость, вотъ основные ингредіенты, которые Господь Богъ смѣшалъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ родъ человѣческій», пишетъ онъ въ 1851 г. [3]).

[1]) Vie et Corr., III, 246—248.
[2]) Ib., I, 256.
[3]) Ib., I, 167.

Эта толпа только и имѣетъ значеніе постольку, поскольку она служитъ базисомъ для культурной жизни отборныхъ элементовъ общества [1]). Экономическое и соціальное неравенство правда оскорбляетъ чувство справедливости, но оно вытекаетъ изъ природы вещей и соотвѣтствуетъ законамъ развитія. Въ частности оно является необходимымъ условіемъ политической свободы и матеріальнаго процвѣтанія каждой данной страны. Невѣжды, даже если ихъ очень много, не становятся отъ этого болѣе способными руководить сложнымъ механизмомъ государственной жизни. Но кто же долженъ тогда править государствомъ? Казалось бы, если вспомнить слова Тэна о философахъ, которые одни въ состояніи сознательно рѣшать политическіе вопросы, эта задача должна выпасть на долю какой-нибудь аристократіи ума, въ духѣ платоновскихъ архонтовъ или контовскихъ ученыхъ. Оказывается, нѣтъ. «Я не кончилъ бы, если бы я перечислилъ всѣ мерзости и всѣ несчастія, которыя Теккерей приписываетъ духу аристократизма...», писалъ онъ въ 1857 г. «Передъ лицомъ этой поразительной по своей правдивости и геніальности картины приходится напомнить, что это оскорбительное неравенство является причиной (la cause) спасительной свободы; что соціальная несправедливость создаетъ (produit) общественное благоденствіе (la prosperité

---

[1]) Ср. Rég. mod. II, 285, пр. 1: si un homme en levant le doigt pouvait mettre tous les Français et toutes les Françaises en état de lire couramment Virgile et de bien démontrer le binôme de Newton, cet homme serait dangereux et on devrait lui lier les mains; car, si par mégarde il levait le doigt, le travail manuel répugnerait à tous ceux qui le font aujourd'hui, et, au bout d'un an ou deux, deviendrait presque impossible en France.

publique); что классъ наслѣдственныхъ вельможъ (grands) является классомъ наслѣдственныхъ государственныхъ людей; что въ теченіе полутора вѣковъ Англія пользовалась 150 годами хорошаго управленія; что въ теченіе полутора вѣковъ на долю Франціи выпало 120 лѣтъ дурного управленія; что за все въ жизни приходится платить; и что можно дорого заплатить за способныхъ вождей, послѣдовательную политику, свободные выборы и надзоръ націи надъ правительствомъ» [1]).

Эти случайно брошенныя слова являются ключомъ къ пониманію политическаго идеала Тэна: онъ заключается въ полуаристократической, полубуржуазной конституціонной монархіи, построенной на высокомъ избирательномъ цензѣ и руководящемъ положеніи «естественныхъ лидеровъ» общества [2]). Политическимъ идеаломъ его является Англія или точнѣе Англія въ томъ видѣ, какъ она существовала до избирательной реформы 1867 г. «Когда я разсматриваю мои собственныя мысли о Франціи, я нахожу, что нѣкоторыя изъ нихъ внушены мнѣ иностранцами и въ особенности англичанами», писалъ Тэнъ въ 1871 въ предисловіи къ англійскому переводу его исторіи англійской литературы [3]). «Французъ всегда вынесетъ изъ Англіи полезное убѣжденіе, что политика не

[1]) Hist. de la litt. angl., 5, 115—116.

[2]) Ср. о leadership англійская аристократія и ея значеніи въ началѣ XIX вѣка Ostrogorski, La democratie et l'organisation des parties politiques, т. 1, стр. 14—20. Поворотнымъ моментомъ въ англійской политической жизни является въ этомъ отношеніи избирательная реформа 1867 г. и вызванная ею реорганизація сначала либеральной, затѣмъ консервативной партіи. Изученію этого процесса и посвященъ первый томъ крайне интереснаго труда М. Я. Острогорскаго.

[3]) Цитир. у Giraud, Essai, стр. 46.

есть примѣнимая немедленно цѣликомъ и сразу кабинетная теорія, а дѣло такта, гдѣ необходимо дѣйствовать не иначе какъ путемъ отсрочекъ, соглашеній и компромиссовъ», писалъ онъ въ томъ же году въ предисловіи къ своимъ замѣткамъ объ Англіи [1]). «У меня несомнѣнно есть идеалъ въ политикѣ и въ религіи», гласитъ одна изъ его notes personnelles отъ октября 1862 г.; «но я знаю, что онъ неосуществимъ во Франціи; вотъ почему я могу вести лишь созерцательную, а не практическую жизнь. Свободный протестантизмъ какъ въ Германіи при Шлейермахерѣ или приблизительно какъ теперь въ Англіи.— Мѣстныя и муниципальныя вольности, какія имѣются теперь въ Бельгіи, въ Голландіи, въ Англіи, завершающіяся центральнымъ представительствомъ.—Но протестантизмъ противенъ природѣ француза, а мѣстная политическая жизнь противорѣчитъ французской (т. е. демократической) организаціи собственности и общества» [2])...

Во Франціи этотъ идеалъ не такъ давно былъ близокъ къ осуществленію: это было въ теченіе тѣхъ 30 лѣтъ, когда Франція пользовалась по примѣру Англіи «хорошимъ управленіемъ», т. е. въ эпоху реставраціи и іюльской монархіи (1815—1848) [3]). Эпоха стараго порядка, революціи, имперіи, второй республики — это наоборотъ 120-лѣтняя эпоха дурного управленія: абсолютизмъ и

---

[1]) Notes sur l'Angleterre, предисл. (отъ ноября 1871 г.) XIII изд., стр. VIII.

[2]) Vie et Corr., II, 263. Ср. Essais de crit. et d'hist. стр. 309—328.

[3]) Ср. Essais de crit. et d'hist., стр. 322: D'autres plus prudents, plus instruits, aussi proches du vrai qu'on peut l'être, apercevant en Angleterre un gouvernement tempéré qui durait, l'importèrent en France... Эта статья напечатана также въ 1857 г.

демократизмъ представляются одинаково отрицательными явленіями [1]).

Нетрудно убѣдиться, какъ тѣсно связанъ этотъ взглядъ съ взглядами либеральной партіи первой половины XIX вѣка и въ частности съ взглядами Гизо, вліяніе котораго на политическія идеи Тэна не можетъ подлежать сомнѣнію. «Пять писателей и мыслителей: Бальзакъ, Стендаль, Сентъ Бевъ, г. Гизо и г. Ренанъ», заявлялъ Тэнъ въ открытомъ письмѣ отъ 5 марта 1877 г. на имя директора Journal des Débats, «являются на мой взглядъ тѣми людьми, которые со временъ Монтескье больше всего расширили наши свѣдѣнія о человѣческой природѣ и о человѣческомъ обществѣ» [2]). А такъ какъ работы Бальзака, Стендаля и Сентъ Бева вращаются въ области индивидуальной и отчасти въ области коллективной психологіи, а труды Ренана въ области религіозной и философской мысли [3]), то становится яснымъ, какое мѣсто занимаетъ по мнѣнію Тэна работа Гизо въ области разработки вопросовъ политической жизни [4]). А отсюда становится также понятнымъ, почему онъ вовсе не упоминаетъ хотя бы о Токвилѣ, отъ котораго его отдаляетъ именно тотъ фактъ, что Токвиль призналъ неизбѣжность побѣды демократическаго движенія и былъ готовъ примириться съ нимъ при извѣстныхъ условіяхъ [5]).

---

[1]) Ср. Origines, Révol. III, стр. 149—159.

[2]) Vie et Corr., 4, 232. Наряду съ Гизо на него несомнѣнно имѣлъ вліяніе Le Playe. Vie et Corr., II, 253, IV, 155, 201, 305, 324.

[3]) Политическіе взгляды Ренана, какъ извѣстно, были очень близки къ взглядамъ Тэна. Ср. напр. Drames philosophiques и Réforme intellectuelle et morale; Michel, l'Idée de l'état, 539—540.

[4]) Ср. Vie et Corr., I, 337. II, 132, 167. III, 175, а также Essais de crit. et d'hist., стр. 42 сл.

[5]) Ср. Tocqueville. De la démocratie en Amérique, изд. 1850 г. т.

Подобно Ройэ-Коллару, Гизо и другимъ доктринерамъ, Тэнъ стоитъ на точкѣ зрѣнія совершенной неразумности и противоестественности демократіи и исключительной цѣлесообразности господства политически-«способныхъ» элементовъ общества [1]). Но онъ отличается отъ нихъ тѣмъ, что онъ не довольствуется констатированіемъ факта, что есть политически-способные и политически-неспособные элементы общества, и требованіемъ, чтобы первымъ была предоставлена руководящая роль въ государствѣ; онъ не довольствуется также цензомъ, какъ критеріемъ для различенія политическихъ способностей членовъ общества, а стремится подробно обосновать свой взглядъ.

Вотъ тѣ выводы, къ которымъ онъ приходитъ. Они настолько важны для пониманія его политической теоріи, что ихъ необходимо передать съ возможной подробностью.

Признавая, что привилегированная и въ то же время бездѣльничающая аристократія есть большое зло, Тэнъ говоритъ [2]): «но аристократія, подчиненная общему для всѣхъ закону, представляетъ великое благо, если она занята дѣломъ, въ особенности если ею пользуются согласно ея способностямъ и въ частности для того, чтобы составить избираемую верхнюю палату или наслѣдственную пэрію.—Во всякомъ случаѣ невозможно уничтожить ее безвозвратно, ибо уничтоженная закономъ, она фактически возрождается, и законодатель всегда можетъ

II особ. стр. 325 сл. О немъ d'Eichthal, A. de Tocqueville et la démocratie libérale; Michel, op. cit., 318—326.

[1]) Ср. de Barante, Vie politique de M. Royer-Collard, т. I, 276; 285, 290, 410 и т. д.: Guizot, Mémoires, т. I, 156—158; особ. 166—171, id., trois générations (P. 1863), стр. 31—45.

[2]) Origines, Révolution, т. I, стр. 189 сл. Ср. Vie et Corr., III, 321—325 (начало 70-хъ годовъ).

лишь выбирать между двумя системами: оставить-ли ее безъ дѣла или заставить ее приносить плоды, устранить-ли ее отъ общественной службы или привлечь ее къ ней. Въ каждомъ обществѣ существуетъ всегда группа семействъ, состояніе и видное общественное положеніе конхъ давнишняго происхожденія; даже тогда, когда эта группа кажется замкнутой, какъ во Франціи до 1789 г., каждые новые полвѣка вводятъ въ ея составъ новыя семьи изъ членовъ парламентовъ, интендантовъ, финансистовъ, семьи, поднявшіяся благодаря пріобрѣтенному ими богатству или занимаемымъ ими должностямъ до вершины соціальной лѣстницы; въ образующейся такимъ образомъ средѣ естественнѣе всего возникаетъ государственный человѣкъ, добрый совѣтникъ народа, независимый и компетентный политикъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны человѣкъ этого класса, благодаря своимъ средствамъ и своему общественному положенію, стоитъ выше вульгарныхъ потребностей и искушеній. Онъ можетъ служить безвозмездно; онъ не вынужденъ заботиться о деньгахъ, обезпечивать свою семью, пробивать себѣ дорогу. Политическій мандатъ не прерываетъ его карьеры; онъ не принужденъ жертвовать своей карьерой, своими дѣлами или кліентами, какъ инженеръ, негоціантъ, или врачъ. Онъ можетъ выйти въ отставку, не нанося вреда ни себѣ, ни своей семьѣ, слѣдовать своимъ убѣжденіямъ, сопротивляться шумному и нездоровому общественному мнѣнію, быть лойяльнымъ слугой, а не низкимъ льстецомъ народа. Тогда какъ въ среднихъ и низшихъ классахъ главнымъ двигателемъ является интересъ, у него является имъ гордость; а между тѣмъ среди глубокихъ человѣческихъ чувствъ нѣтъ другого, которое было бы въ такой

мѣрѣ способно превратиться въ честность (probité), патріотизмъ и чувство долга передъ собственной совѣстью, какъ гордость, ибо гордый человѣкъ нуждается въ уваженіи къ самому себѣ, а чтобы добиться его, стремится его заслужить. Сравните во всѣхъ этихъ отношеніяхъ англійскую джентри съ профессіональными политиками (politicians) Соединенныхъ Штатовъ. Съ другой стороны, при равныхъ способностяхъ, человѣкъ изъ этого міра имѣетъ больше шансовъ хорошо понимать политическія дѣла, чѣмъ бѣдный плебей. Ибо знаніе, въ которомъ онъ нуждается, не есть та эрудиція, которая пріобрѣтается въ библіотекахъ и путемъ одинокаго умственнаго труда; то, что онъ долженъ знать, это—живые люди, мало того—группа людей, и даже еще больше—человѣческія организаціи, государства, правительства, партіи, администраціи, какъ внутри, такъ и внѣ его страны, въ ихъ движеніи и въ покоѣ. Чтобы достигнуть этого, существуетъ только одно средство, а именно видѣть ихъ лично и собственными глазами, какъ въ общихъ чертахъ, такъ и въ деталяхъ, путемъ частаго посѣщенія начальниковъ разныхъ администрацій, выдающихся спеціалистовъ, въ лицѣ которыхъ сосредоточиваются свѣдѣнія и взгляды цѣлой общественной группы. Между тѣмъ, если человѣкъ молодъ, онъ только при томъ условіи можетъ посѣщать такого рода людей у себя и за границей, если у него есть имя, видное семейное положеніе, средства, свѣтское образованіе и воспитаніе. Все это необходимо, чтобы предъ вами въ двадцать лѣтъ открылись всѣ двери, чтобы вы могли войти равноправнымъ членомъ во всѣ салоны, чтобы имѣть возможность говорить и писать на четырехъ живыхъ языкахъ, чтобы подолгу пользоваться дорогимъ и поучительнымъ пребы-

ваніемъ заграницей, чтобы выбирать и разнообразить свои занятія въ разныхъ дѣловыхъ сферахъ, занимаясь дѣлами совершенно или почти совершенно безвозмездно безъ иной цѣли, кромѣ собственнаго политическаго развитія. Получивши такое воспитаніе, даже средній человѣкъ стоитъ того, чтобы съ нимъ посовѣтоваться. Если же онъ выдающійся человѣкъ и если используютъ его способности, онъ можетъ быть государственнымъ человѣкомъ, не достигнувъ тридцати лѣтъ, пріобрѣсти полную компетентность, сдѣлаться руководящимъ министромъ, единственнымъ кормчимъ, исключительно способнымъ, вродѣ Питта, Каннинга и Пиля, найти фарватеръ среди скалъ или повернуть какъ разъ во-время руль такъ, чтобы спасти корабль. Такова служба, къ которой приспособлена аристократія (la haute classe); только и есть, что этотъ конскій заводъ (haras), чтобы доставлять постоянный свѣжій матеріалъ бѣговыхъ лошадей и отъ времени до времени того поразительнаго скакуна, который побѣдитъ на европейскомъ скаковомъ полѣ всѣхъ конкурентовъ и возьметъ призъ».

Въ одномъ письмѣ, написанномъ въ 1881 г., Тэнъ даетъ еще нѣкоторыя поясненія къ этой теоріи: «я очень далекъ отъ того, чтобы отстаивать только «право наслѣдственности» и отрицать «право призванія», пишетъ онъ. «У Дарвина и у Проспера Люка вы найдете весьма вѣскія физіологическія и психологическія основанія, которыя обязываютъ насъ дать мѣсто призванію: среди самыхъ устойчивыхъ и самыхъ однообразныхъ породъ наблюдаются исключительныя комбинаціи, единичные индивидуумы, то, что Дарвинъ называетъ «индивидуальными разновидностями». Относительно этихъ именно людей Наполеонъ такъ хорошо сказалъ: «карьера открыта талан-

тамъ». Истинный политическій принципъ заключается въ томъ, что слѣдуетъ использовать всѣ силы, какъ силы наслѣдственности, такъ и силы индивидуальности» [1]).

Несмотря на это, однако, ясно, что появленіе крупныхъ политическихъ талантовъ внѣ того «высшаго класса», который состоитъ изъ соціально-привилегированнаго меньшинства, представляется счастливымъ исключеніемъ, которое нельзя класть въ основаніе политической организаціи общества. Послѣдняя должна считаться не съ исключеніями, а съ нормальными условіями и должна, слѣдовательно, стремиться къ тому, чтобы использовать

---

[1]) Vie et Corr., 4, 127. Ср. въ Essais de crit. et d'hist., préface (1866 г.), стр. XXIX — XXX, болѣе абстрактное и охватывающее болѣе широкую группу явленій, изложеніе тѣхъ же мыслей. На предшествующихъ страницахъ Тэнъ доказываетъ возможность формулировать по примѣру естественныхъ законовъ законы исторіи и приводитъ рядъ примѣровъ, въ томъ числѣ теорію Дарвина о естественномъ подборѣ и, изложивъ ее вкратцѣ, продолжаетъ такъ: Par des observations et un raisonnement analogues, les historiens peuvent établir que dans un groupe humain quelconque les individus qui atteignent la plus haute autorité et le plus large développement sont ceux dont les aptitudes et les inclinations correspondent le mieux à celles de leur groupe; que le milieu moral comme le milieu physique agit sur chaque individu par des excitations et des répressions continues; qu'il fait avorter les uns et germer les autres à proportion de la concordance ou du désaccord qui se rencontre entre eux et lui; que ce sourd travail est aussi un triage, et que, par une série de formations et de déformations imperceptibles, l'ascendant du milieu amène sur la scène de l'histoire les artistes, les philosophes, les réformateurs religieux, les politiques capables d'interpréter ou d'accomplir la pensée de leur âge et de leur race, comme il amène sur la scène de la nature les espèces d'animaux et de plantes les plus capables de s'accommoder à leur climat et à leur sol». «Высшій классъ» и представляетъ результатъ этого постоянно продолжающагося естественнаго подбора наилучшихъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ культурному состоянію общества, элементовъ. Ср. также Ancien régime, стр. 35; Révolution, I, 211.

таящіяся въ существующемъ по необходимости «высшемъ классѣ» силы.

Но для этого необходимо обезпечить этому классу такую обстановку политическаго существованія, которая втягивала бы его въ политику, побуждая его «готовиться и тренироваться» къ ней. Нельзя подвергать его членовъ необходимости обращаться къ «наглому шарлатанству, вульгарной декламаціи и рабской лести» добивающихся мандата «профессіональныхъ политиковъ», какъ нынѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, а нѣкогда въ Аѳинахъ, ибо въ такомъ случаѣ «аристократія удаляется въ частную жизнь и скоро впадетъ въ бездѣліе. Вѣдь хорошо воспитанный (bien élevé) и родившійся съ рентой въ 100.000 ливровъ человѣкъ не почувствуетъ желанія сдѣлаться промышленникомъ, адвокатомъ или врачомъ. За отсутствіемъ дѣла, онъ гуляетъ, онъ принимаетъ, онъ бесѣдуетъ, онъ усваиваетъ вкусы или манію любителя, онъ забавляется или скучаетъ, и въ результатѣ одна изъ наибольшихъ силъ государства потеряна для государства. Такимъ путемъ самое лучшее и самое широкое пріобрѣтеніе прошлаго, самыя значительныя суммы накопленнаго матеріальнаго и моральнаго капитала остаются непроизводительными. Въ чистой демократіи высшія вѣтки соціальнаго дерева, не только старыя, но и молодыя, остаются безплодными. Какъ только сильная вѣтвь подымается надъ другими и доходитъ до вершины, она перестаетъ приносить плоды. Такимъ образомъ отборная часть націи (l'élite de la nation) осуждена на безпрерывное и непоправимое безплодіе (avortement), такъ какъ у нея нѣтъ такого выхода для ея силъ, который подходилъ бы къ ея вкусамъ. Она нуждается только въ этомъ выходѣ, ибо во всѣхъ другихъ направленіяхъ ея конкуренты, низшаго

чѣмъ она происхожденія, могутъ служить съ такой же пользой и такъ же хорошо, какъ она. Но этотъ выходъ ей нуженъ; ибо въ этомъ направленіи она обладаетъ чрезвычайными, естественными и спеціально ей свойственными способностями, и государство, которое отказываетъ ей въ просторѣ, походитъ на садовника, который обезцвѣтилъ бы изъ любви къ ровнымъ пространствамъ самые красивые изъ своихъ побѣговъ.—Вотъ почему конституціи, которыя хотятъ использовать постоянныя силы общества и тѣмъ не менѣе сохранить гражданское равенство, призываютъ аристократію къ дѣламъ путемъ длительности и безвозмездности мандата, путемъ учрежденія наслѣдственной палаты, путемъ примѣненія разнаго рода приспособленій, комбинированныхъ такимъ образомъ, чтобы развить въ высшемъ классѣ политическое честолюбіе, воспитаніе и способности и вручить ему власть или контроль надъ властью, при условіи, что онъ окажется достойнымъ власти» [1]).

Результатомъ такого строя отнюдь не явится идеальное состояніе и ходъ общественной жизни. Онъ представляется лишь «наиболѣе сноснымъ» изъ всѣхъ. Къ этому результату Тэнъ пришелъ еще до 1870 г. и до того, какъ онъ занялся своимъ «Происхожденіемъ современной Фран-

---

[1]) Révolution, т. I, стр. 191—192; Rév., III, стр. 398. Здѣсь же стр. 398 сл., 406 сл., 410 сл., 416 сл., разсмотрѣніе четырехъ группъ «естественныхъ вождей»: знати, духовенства, буржуазіи, составляющихъ élite supérieure націи, и demi-notables, примѣнительно къ ихъ положенію въ 1789 г. и тамъ же, стр. 424—428, общій обзоръ.

ціи» [1]). При этой же точкѣ зрѣнія онъ остался и позднѣе; исходя изъ нея, онъ обсуждалъ и осуждалъ создавшееся послѣ 1870 г. во Франціи положеніе. [2])

V.

Отрицаніе демократіи—таково первое и основное положеніе Тэна. Демократія противоестественна, а слѣдовательно неразумна, ибо она вручаетъ судьбы общества невѣжественной толпѣ и внушаетъ этой толпѣ иллюзію, будто господство толпы можетъ привести къ счастью толпы. Счастье, то счастье, о которомъ мечтали писатели эпохи романтизма, какъ мы видѣли, вообще невозможно [3]); а довольство тѣсно связано съ добровольнымъ подчиненіемъ законамъ природы, однимъ изъ коихъ является зависимость относительнаго благоденствія общества отъ господства въ немъ наиболѣе приспособленныхъ къ политической жизни элементовъ.

---

[1]) Vie et Corr., II, 350 (отъ 1868 г.): Or a mon avis toute violence réprimée ou victorieuse aura pour effet de retarder l'établissement du régime modéré et libéral, qui est le seul passable. Замѣчаніе вызвано чрезвычайно бурнымъ и радикальнымъ характеромъ, разрѣшенныхъ закономъ 1868 г., публичныхъ собраній. Ср. о нихъ мою статью въ «Русской Мысли», за 1907 г. № 8. «Изъ исторіи первыхъ лѣтъ третьей французской республики», стр. 51—57 и цитированную тамъ литературу.

[2]) Ср. хотя бы Vie et Corr., III, 232-233: En somme le gouvernement le plus passable est celui qui est aux mains des plus capables et des plus honnêtes, c'ést à dire, de la haute classe, bourgeoisie et noblesse... Si cette haute classe est médiocre et même bête sur certains points, cela est facheux, mais nous n'avons pas mieux... (отъ 28-го іюня 1873 г.).

[3]) Ср. Notes sur Paris, изд. 1867 г., стр. 317: Ce n'est pas le malheur, c'est le bonheur qui est contre nature. La condition naturelle de l'homme comme d'un animal, c'est d'être assomé ou de mourir de faim...

Но отрицаніе демократіи приводитъ Тэна къ рѣзкому столкновенію съ господствующими наклонностями массы французскаго общества и съ тѣми политическими лозунгами и той партіей, которые являются выразителями этихъ наклонностей. Партія, съ которой онъ сталкивается, это республиканская партія; лозунги, съ которыми онъ вынужденъ считаться, это не только идея народовластія и всеобщаго избирательнаго права, но и извѣстное традиціонное представленіе о взаимоотношеніяхъ государства и личности, о задачахъ государственной власти, о формахъ и размѣрахъ ея воздѣйствія на общественную жизнь. Въ результатѣ основное положеніе Тэна, отрицаніе демократіи, осложняется цѣлымъ рядомъ другихъ положеній, отчасти логически вытекающихъ изъ его отношенія къ демократіи вообще, отчасти складывающихся у него подъ вліяніемъ антипатіи къ современнымъ ему демократамъ, каковыми во Франціи являются тогда только одни республиканцы, и къ популярнымъ среди нихъ лозунгамъ [1]).

Типомъ демократа-республиканца въ глазахъ Тэна является якобинецъ, и не даромъ якобинизмъ, его зарожденіе, особенности и воздѣйствіе на французскую жизнь занимаютъ центральное мѣсто въ его изображеніи французской революціи [2]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о степени правильности данной имъ характеристики якобинца и якобинизма [3]), необходимо замѣтить, что, вопреки

---

[1]) Ср. Vie et corr. III, 348 о прогрессивномъ подоходномъ налогѣ.

[2]) Ср. De l'intelligence 1[10], préf. 21: Il faut faire la psychologie. . du jacobin pour comprendre la révolution de 1789 en France.

[3]) Ср. Révolution, т. II, гл. I и II, стр. 3—71. Замѣчанія Aulard'a, Taine, historien de la révolution, стр. 118 — 127, не проникаютъ въ существо вопроса, хотя и содержатъ рядъ немаловажныхъ попра-

убѣжденію Тэна, республикански демократическія идеи особенно въ его время отнюдь не находили себѣ выраженіе исключительно въ якобинизмѣ. Какъ разъ въ эпоху второй имперіи усиливается народившееся въ сороковыхъ годахъ анти-якобинское направленіе значительной части республиканской партіи, направленіе, представителями котораго были еще въ 1848 г. Ламартинъ, Гарніе Паже, Марра, Араго и др. [1]). Труды Вашеро [2]), Жюля Симона [3]) и Прево-Парадоля [4]) являются наиболѣе характерными выразителями этого теченія, стремящагося къ обоснованію и созданію «либеральной демократіи [5])». «Мы стремимся найти учрежденія, которыя могли бы сосуществовать одинаково какъ съ монархической, такъ и съ республиканской формой управленія, такъ какъ единственная ихъ цѣль заключается въ томъ, чтобы обезпечить свободу среди демократіи (d'assurer la liberté dans la démocratie)» — такъ формулировалъ свою задачу Прево-Парадоль [6]).

Въ своихъ собственныхъ произведеніяхъ Тэнъ совер-

вокъ къ словамъ Тэна. Ср. также мою статью «Что такое якобинизмъ», въ журналѣ «Свобода и культура», за 1906 г., № 8, стр. 560—575.

[1]) Ср. напр. отношеніе ихъ къ предложенію Луи Блана, Бланки и др., объ отстрочкѣ выборовъ въ Національное Собраніе, дабы «подготовить» народъ путемъ «революціонной диктатуры» временнаго правительства къ пользованію избирательнымъ правомъ.

[2]) Vacherot, De la démocratie. 1860.

[3]) J. Simon, La liberté.

[4]) Prévost Paradol, Essais de politique et de littérature 1859; Du gouvernement parlementaire 1860; Nouveaux essais 1862; La France nouvelle 1868.

[5]) Выраженіе Вашеро. Ср. объ этомъ Michel, Idée de l'état, стр. 301 сл. Schatz, op cit., стр. 294—344, Hanotaux, Hist. de la France contemp., III, 364—369.

[6]) Цитир. у Hanotaux, назв. corr., III, 366.

шенно не считается съ этимъ направленіемъ, имѣвшимъ по справедливому замѣчанію Ганото большое вліяніе на дѣятельность избраннаго послѣ паденія второй имперіи Національнаго Собранія и на созданную имъ конституцію третьей республики [1]). Какъ до, такъ и послѣ 1870 г. онъ находится подъ властью стараго впечатлѣнія, что народовластіе ведетъ неизбѣжно къ «неустойчивой и безумной диктатурѣ радикаловъ и черни («mob») или къ «болѣе устойчивой диктатурѣ бонапартистскихъ авантюристовъ и другихъ сомнительныхъ личностей» (tarés) [2]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что это убѣжденіе укрѣпилось въ немъ подъ впечатлѣніемъ парижской коммуны, къ которой онъ относился не только отрицательно, но въ полномъ смыслѣ слова съ отвращеніемъ [3]). Коммуна возродила въ немъ всѣ наихудшія впечатлѣнія отъ революціонной эпохи 1848 и слѣдующихъ годовъ; на основаніи ея у него сложилось окончательно то представленіе о реальномъ характерѣ массовыхъ революціонныхъ движеній, которое легло въ основу предпринятой имъ психологической реконструкціи революціи 1789 года. Но было бы ошибочно думать, что его представленіе о характерѣ

---

[1]) Ср. Hanotaux, op. cit., III, гл. IV, La théorie de la constitution, стр. 321—419 и въ частности, стр. 395: l'éducation politique de la génération, qui réalisa la constitution de 1875, s'est faite un peu dans Proudhon, beaucoup dans la Démocratie en Amérique (Токвиля), et, enfin dans les ouvrages du duc de Broglie et de Prévost-Paradol. Трудъ герцога де Брольи, Vues sur le gouvernement de la France, появился въ тѣ же годы и являлся манифестомъ либерализма искавшаго съ своей стороны сближенія съ демократіей.

[2]) Vie et Corr., III, 232—233.

[3]) Ср. относящіяся къ этому времени письма въ Vie et Corr., III, стр. 60—154.

политическаго развитія демократическихъ обществъ создано именно Коммуною.

Сравнивая еще въ 1857 г. ходъ англійскаго и французскаго развитія, онъ пришелъ къ заключенію, что основной особенностью французскаго развитія являлись демократизація общественнаго строя съ одной стороны, ростъ центральной власти, основанный на уничтоженіи правъ аристократіи, провинцій, городовъ и т. д., съ другой стороны. Результатомъ этого факта является не только невозможность насадить во Франціи неразрывно связанную съ наличностью аристократіи англійскую свободу, но и своеобразная неустойчивость французской политической жизни. Въ отличіе отъ англичанина, французъ не привыкъ къ самодѣятельности, а наоборотъ охотно подчиняется руководству центральной власти. «Однако историческія событія и моральныя качества, которыя, казалось, истребили въ насъ духъ независимости, возродили его въ иной формѣ. Они отняли его у индивидуума; они сообщили его массѣ. Они согнули гражданъ подъ ярмо центральной власти; они подчинили центральную власть обществу (au public)». Въ этомъ обществѣ, лишенномъ реальнаго участія въ жизни, а потому политически неопытномъ, легко возникаютъ чисто спекулятивныя представленія о томъ, чѣмъ должна быть власть; и разъ власть не соотвѣтствуетъ этимъ представленіямъ, общество свергаетъ ее и свергаетъ безъ особеннаго труда. «Ибо устраняя все, что ей препятствовало, центральная власть устранила все, что ей служило опорой. Ей подчинялись безъ затрудненій; безъ затрудненій подчиняются ея преемнику. Будучи послушны, должностныя лица послушны кому угодно. Будучи національной и набираемая постоянно среди общества, армія слѣдуетъ, отставая лишь на нѣсколько шаговъ, за ходомъ

общественнаго мнѣнія. По прошествіи нѣкотораго времени шансы мѣняются. Всеобщее согласіе, которое, казалось, дѣлало власть непобѣдимой, исчезло. Она остается одна со своими чиновниками и своими солдатами. Незамѣтно чиновники и солдаты утрачиваютъ свое рвеніе; съ этого момента достаточно уличнаго боя, чтобы ее низвергнуть... Вотъ какимъ образомъ сила первоначальныхъ условій (политической и соціальной жизни) и вліяніе врожденныхъ наклонностей (французскаго народа) увеличили до чрезвычайности какъ могущество такъ и хрупкость центральной власти, духъ революціи и духъ повиновенія» [1]).

«Двѣ тенденціи, которыя разжигалъ Руссо, которыя развила революція и которыя оправдывались нашими историками, а именно анархическая и деспотическая тенденція, встрѣчаются на всемъ протяженіи нашей исторіи за послѣднія 90 лѣтъ», писалъ онъ въ 1881 г. «Личность не питаетъ уваженія къ власти, власть не питаетъ уваженія къ личности» [2]). «Есть два принципа, неизвѣстныхъ во Франціи, но принятыхъ повсемѣстно и строго соблюдаемыхъ во всѣхъ свободныхъ странахъ», писалъ онъ еще раньше: «1) подчиняться искренно и серьезно, разъ большинство высказалось, не сохраняя задней мысли о томъ, чтобы насиловать его при помощи государственнаго переворота; 2) позволять меньшинству говорить и печатать все, что ему угодно. Вотъ права большинства и меньшинства; ни то ни другое не пользуются уваженіемъ во Франціи» [3]).

---

[1]) Essais de crit. et d'hist, 324—325.
[2]) Vie et Corr., 4, 120.
[3]) Vie et Corr., 3, 121.

Всѣ эти особенности французской политической жизни проявляются съ особенной силой при демократіи (и военномъ деспотизмѣ Наполеона I и Наполеона III) [1]). А посему необходимо оградить отъ нихъ личность.

Это достигается—во-первыхъ, путемъ надлежащей организаціи избирательнаго права, во-вторыхъ, путемъ сокращенія правъ и компетенціи государственной власти.

Вопросъ объ избирательномъ правѣ заинтересовалъ Тэна непосредственно послѣ паденія второй имперіи и, какъ мы видѣли, онъ участвовалъ при обсужденіи его въ печати; но только его переписка даетъ надлежащій матеріалъ для выясненія того огромнаго значенія, которое Тэнъ ему придавалъ, а также для выясненія того направленія, въ которомъ онъ искалъ его рѣшенія.

Въ своей брошюрѣ о всеобщемъ избирательномъ правѣ Тэнъ не высказывается ни за, ни противъ всеобщаго голосованія. Она начинается со словъ, что «по всему вѣроятію, всеобщее избирательное право будетъ сохранено». Въ пользу такого рѣшенія говоритъ то, что всеобщее голосованіе существуетъ уже 23 года, что «либеральное или по крайней мѣрѣ народное общественное мнѣніе» высказывается за него; наконецъ то, что «оно кажется (paraît) соотвѣтствующимъ справедливости»: «ношу ли я блузу или сюртукъ, капиталистъ ли я или живу ручнымъ трудомъ, никто не имѣетъ права располагать безъ моего согласія моими деньгами или моей жизнью. Для того, чтобы пятьсотъ человѣкъ, собравшихся въ одномъ залѣ, могли по справедливости облагать мое имущество, или посылать меня на границу, необходимо, чтобы я молчаливо, или expressis verbis уполномочилъ ихъ на это; между

---

[1]) Ср. Origines, Révol., III, 149—158.

тѣмъ, наиболѣе естественнымъ образомъ полномочія даются избраніемъ. А слѣдовательно разумно, чтобы крестьянинъ и рабочій голосовалъ точно такъ же, какъ буржуа или дворянинъ; онъ правда невѣжественъ, тяжеловѣснаго ума, плохо освѣдомленъ; но его маленькія сбереженія, его жизнь принадлежатъ ему, а не другимъ; тотъ, кто пользуется ими, не испросивъ прямо или косвенно его согласіе, тотъ нарушаетъ его права. Признаемъ ли мы этотъ принципъ?—Въ такомъ случаѣ мы должны примѣнять его лойяльно и добросовѣстно», т. е., организовать голосованіе такимъ образомъ, чтобы оно было приспособлено къ умственному уровню избирателей и могло правильно отразить ихъ настроеніе. «Согласно послѣднимъ статистикамъ на десять милліоновъ избирателей приходится около пяти милліоновъ земледѣльцевъ, мелкихъ собственниковъ, фермеровъ, поденщиковъ и другихъ лицъ, обрабатывающихъ землю; 2 милліона рабочихъ въ собственномъ смыслѣ, $1^1/_2$ милліона лавочниковъ, ремесленныхъ мастеровъ, мелкихъ предпринимателей и другихъ лицъ, принадлежащихъ къ мелкой буржуазіи (demi-bourgeoisie); $1^1/_2$ милліона рантьеровъ, людей либеральныхъ профессій, крупныхъ промышленниковъ и негоціантовъ, членовъ просвѣщеннаго и высшаго класса. Вотъ тѣ люди, которые будутъ голосовать: на 20 голосующихъ 10 крестьянъ, 4 рабочихъ, 3 полубуржуа, 3 образованныхъ (cultivés), состоятельныхъ или богатыхъ человѣка» [2]). Если взять всю сумму сельскаго населенія, т. е. лицъ, живущихъ въ общинахъ, населеніе коихъ не превышаетъ 2000 чело-

---

[1]) Du suffr. univ., 7—8.
[2]) Ib., 14—15.

вѣкъ, нравы, идеи, привычки конхъ тѣже, что у крестьянъ, «кругозоръ конхъ, какъ у крестьянина, не простирается дальше приходской колокольни», то получится еще худшее соотношеніе: изъ 20 избирателей 14 будутъ принадлежать къ этому классу, около 50% котораго безграмотны. «Это уже есть показатель, по которому можно оцѣнить ихъ политическое развитіе» [1]). Другія данныя даютъ столь же плачевные результаты: «невѣжество и легковѣрность крестьянъ поразительны» [2]); «невозможно себѣ представить подобнаго умственнаго состоянія, такой оцѣпенѣлости, такой непривычки мыслить и разсуждать, такого полнаго отсутствія общихъ понятій, такой неспособности понять частныя права или общественные интересы» [3]); «это все еще подданные, но только не короля, а анонимнаго владыки», о которомъ они не имѣютъ никакого понятія [4]). При такихъ условіяхъ не только плебисциты второй имперіи, не только голосованіе по департаментскимъ спискамъ (scrutinde liste), за которое ратуютъ крайніе лѣвые съ Гамбеттой во главѣ, но и прямые выборы одного депутата въ каждомъ избирательномъ округѣ представляютъ ни больше, ни меньше какъ «законом҃рный шантажъ, основанный на кажущемся уваженіи и реальномъ презрѣніи къ народной волѣ». Надо обезпечить избирателю возможность «голосовать за того, кого онъ считаетъ наиболѣе способнымъ и наиболѣе честнымъ», иначе говоря, законодатель обязанъ «позволить избирателю выбирать среди людей, которыхъ онъ лично знаетъ или отно-

---

[1]) Ib., 16.

[2]) Ib., 18.

[3]) Ib., 19. Ср. 25: Un villageois français vit dans un cercle de deux lieues de rayon: son horizon ne s'étend pas au delà и т. д.

[4]) Ib., 19—21.

сительно которыхъ онъ имѣетъ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ въ родѣ тѣхъ, на основаніи которыхъ онъ обращается предпочтительно къ такому, а не иному адвокату или врачу» [1]). Только при такихъ условіяхъ, точнѣе при устраненіи прямого и установленіи двустепеннаго голосованія всеобщее избирательное право будетъ правильно функціонировать. Выборы будутъ совершаться столь же сознательно и разумно, какъ выборы муниципальныхъ совѣтовъ [2]): избранными окажутся по всему вѣроятію тѣ же или почти тѣ же лица, почти тѣ же, потому что «въ деревняхъ поселкахъ и даже въ маленькихъ городахъ избиратели будутъ обращать нѣсколько меньше вниманія на долголѣтнюю осѣдлость, и на наличность средствъ и нѣсколько больше на воспитаніе, на привычку посѣщать главный городъ округа и столицу, на всѣ тѣ признаки, по которымъ они признаютъ за человѣкомъ болѣе разнообразное образованіе, большія политическія способности и наличность болѣе широкаго кругозора» [3]). Собравшись вмѣстѣ въ главномъ городѣ округа, выборщики, благодаря своей малочисленности (по расчетамъ Тэна въ каждомъ отдѣльномъ округѣ ихъ должно быть 200), не только «могутъ обсуждать (положеніе), разбившись на группы, и просвѣщать другъ друга», но заставятъ самихъ кандидатовъ въ палату депутатовъ измѣнить свой образъ дѣйствій: «отнынѣ кандидатамъ придется объясняться съ избирателями не

[1]) Ib., 23—24.

[2]) Ib., 41 — 44. Исключеніе составляютъ только очень большіе города, при томъ какъ разъ потому, qu'une très grande ville est une foule, où l'on se coudoie sans se connaître... Впослѣдствіи Тэнъ пришелъ къ болѣе пессимистическому взгляду на результаты муниципальныхъ выборовъ.

[3]) Ib., 51.

путемъ приклеенныхъ къ стѣнамъ программъ (professions de foi), образцовъ велерѣчивости и неопредѣленности; они будутъ вынуждены являться и говорить лично, оставить общія мѣста, отвѣчать на точные вопросы, связывать себя заранѣе относительно будущихъ мѣропріятій, относительно предстоящихъ законовъ». Въ результатѣ мы имѣемъ предъ собой «митингъ... настоящее политическое собраніе, по англійскому или американскому образцу, серьезное, умѣренное, имѣющее опредѣленную цѣль, мало склонное терпѣть уличныя декламаціи, иначе говоря школу серіозной политики, свободнаго обсужденія, взаимнаго освѣдомленія и общественнаго духа. Всего этого намъ не хватаетъ во Франціи и этотъ недостатокъ еще болѣе важенъ, чѣмъ недостатокъ начальнаго образованія; ибо если не хорошо, когда въ отцовскомъ домѣ ребенокъ не умѣетъ читать, то еще хуже, когда въ общественной жизни взрослый не умѣетъ разсуждать» [1]).

Но и этимъ не ограничиваются выгоды двустепеннаго голосованія. Въ конечномъ итогѣ оно должно втянуть всю страну въ политическую жизнь. Вернувшись домой, выборщикъ долженъ будетъ дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Если окажется, что онъ подавалъ свой голосъ, руководясь обѣщаніями личныхъ выгодъ, которыя ему берется доставить кандидатъ, или поддерживающее его, быть можетъ, правительство, то это не можетъ остаться тайнымъ въ его тѣсномъ кругу, и онъ не будетъ переизбранъ. «Благодаря этому строгому надзору и неизбѣжной репрессіи, представляется вѣроятнымъ, что выборщики будутъ честно исполнять свою обязанность и что независимо отъ этого имъ придется давать во всѣхъ

[1]) Ib., 53—54.

частныхъ разговорахъ, въ цѣломъ рядѣ полупубличныхъ собраній отчетъ въ мотивахъ своего голосованія, изложить біографію кандидата, разсказать его отвѣты, возобновить въ памяти его обѣщанія, резюмировать возможно лучшимъ образомъ пренія». Отсюда огромное количество политическихъ бесѣдъ во всей странѣ. «Такимъ путемъ удастся организовать политическую жизнь при помощи мѣстной закономѣрной, естественной и свободно возникающей іерархіи освѣдомленности и знаній (hiérarchie des informations et des intelligences): на лицо окажутся выгоды клубовъ безъ ихъ недостатковъ». «Всеобщее и прямое избирательное право, какъ оно существуетъ у насъ, представляетъ армію землекоповъ, въ которой пока имѣются лишь чернорабочіе и главные инженеры. Всѣ посредствующіе элементы отсутствуютъ»... Ихъ надо создать [1]).

Вотъ крупныя достоинства двустепеннаго голосованія какъ съ точки зрѣнія Тэна, такъ и съ точки зрѣнія Токвиля, на котораго онъ ссылается въ заключительныхъ словахъ своей брошюры [2]). Основная мысль его брошюры высказана рѣзко и опредѣленно въ письмѣ къ Э. Бутми отъ 6 марта 1871 г.: «Въ конечномъ итогѣ (во Франціи) нѣтъ болѣе естественныхъ вождей (des chefs naturels); масса колеблется изъ стороны въ сторону по случайнымъ причинамъ, подъ чисто внѣшнимъ воздѣйствіемъ интереса или страха. Я пытаюсь написать статью въ пользу двустепеннаго голосованія, чтобы дать этой толпѣ (tourbe) унтеръ-офицеровъ» [3]).

---

[1]) Ib., 55—57.
[2]) Ib., 59—60.
[3]) Vie et Corr., III, 55.

Точка зрѣнія, изъ которой онъ исходитъ, остается такимъ образомъ той же самой. Форма правительства какъ таковая его попрежнему не интересуетъ. Еще задолго до 1870 г. онъ извѣрился правда въ возможности [1]) и цѣлесообразности [2]) республики, но онъ готовъ примириться съ ней, такъ какъ «довольно безразлично, будетъ ли главой правительства избранный на болѣе или менѣе долгій срокъ президентъ или конституціонный король. Существенно, чтобы просвѣщенные и богатые классы руководили невѣждами и тѣми, кто живетъ, перебиваясь со дня на день... Въ итогѣ двумя врагами свободы являются у насъ красные и бонапартисты» [3]). А между тѣмъ «въ апатичной странѣ всеобщее голосованіе имѣетъ всегда тенденцію передать власть въ руки деклассированныхъ болтуновъ» [4]).

---

[1]) Vie et Corr , II, 332—333 (отъ 2-го января 1867 г.): Je crains bien que de jour en jour nous ne nous écartions de ce régime. Nos Etats modernes sont trop grands, et forcément ils deviennent tous les jours plus reglementés. Vos municipalités et vos divergences provinciales vous servent encore un peu de contrepoids En France, nous n'en avons plus et ceux qui veulent chez nous retrouver l'individu oublient que tout ici est poussière. En dehors du fonctionnaire, nous n'avons plus d'éléments d'association et d'organisation. A mon avis notre rôle est fini, du moins provisoirement; l'avenir est à la Prusse, à l'Amérique et à l'Angleterre. Письмо адресовано сторонникy республиканскаго строя, швейцарскому консулу въ Неаполѣ.

[2]) Vie et Corr., II. 297 (отъ 29-го апрѣля 1864 г.): Les Italiens ont un grand sens politique, et il n'y a peut être par sur quinze un républicain... Aucune racine pour le socialisme et pour les idées niveleuses en ce pays. Ср. ib , III, 257 (73 г.): Dans la monarchie ceux qui réussissent sont les intrigants fins, dans la républiques les intrigants grossiers. Jugez par là de notre avenir, si, nous aussi, nous arrivons à la république démocratique ..

[3]) Vie et Corr , III, 173 (отъ 29-го сентября 1871 г.).

[4]) Vie et Corr , III, 172 (отъ 7-го сентября 1871 г.). Ср. Origines,

Вотъ почему Тэнъ всецѣло сочувствуетъ паденію Тьера, вызванному по его мнѣнію тѣмъ, что его министерство внесло въ Національное Собраніе законопроекты о второй палатѣ и о всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ [1]). Въ нихъ «идолопоклонство передъ всеобщимъ избирательнымъ правомъ, глупое поклоненіе числу были слишкомъ очевидны; съ такими законами мы погибли бы въ опредѣленный срокъ. На мой взглядъ оно (т. е. всеобщее избирательное право) является логовищемъ демагогическаго чудища, и именно здѣсь надо дѣйствовать рѣшительно (trancher). Если бы я былъ депутатомъ и членомъ большинства, я провозгласилъ бы немедленно и торжественно республику и подъ этимъ прикрытіемъ я бы пошелъ прямо къ цѣли» [2]). Если еще есть надежды на «хирурговъ», которые рѣшатся удалить этотъ «ракъ», отъ котораго гибнетъ Франція, то это новая власть: маршалъ Макъ Магонъ и министерство герцога де Брольи. Если же и они не рѣшатся на это, чего Тэнъ опасается, тогда «закономѣрная демагогія только отсрочена» [3]).

Стоитъ сравнить брошюру Тэна и приведенные отрывки изъ его переписки, чтобы убѣдиться, насколько отрицательнѣе его взглядъ на всеобщее голосованіе въ его частной перепискѣ, чѣмъ въ его брошюрѣ [4]). Объяс-

---

Révol. III, 445: Deux avantages qui s'attirent l'un l'autre, la fortune et l'éducation, rangent un homme dans la classe supérieure.

[1]) Ср. объ этомъ Hanotaux, назв. соч., т. I, стр. 571—632.

[2]) Vie et Corr., III, 225 (отъ 26-го мая 1873 г.).

[3]) Ib., III, 229 (отъ 1-го іюня 1873 г.). Ср. II, 269, 278.

[4]) Giraud, ess. стр. 196 приводитъ слѣдующую замѣтку Тэна по поводу этой брошюры, относящуюся къ декабрю 1891 г.: «cette brochure n'est qu'une esquisse bien incomplète et le rémède qu'elle indique serait fort insuffisant.

няется ли это тѣмъ, что Тэнъ не счелъ возможнымъ излагать свои взгляды въ печати во всей ихъ полнотѣ и призналъ нужнымъ считаться съ фактомъ долголѣтняго существованія всеобщаго избирательнаго права и вытекавшей отсюда невозможностью его отмѣны, или тѣмъ, что съ годами онъ все больше убѣждался въ несовмѣстимости всеобщаго избирательнаго права съ «руководящимъ положеніемъ просвѣщеннаго и богатаго класса», которое онъ считалъ единственно нормальнымъ, сказать трудно. И то и другое одинаково возможно. Въ его бумагахъ во всякомъ случаѣ сохранилась, къ сожалѣнію не помѣченная годомъ, замѣтка «du mode de gouvernement», въ которой онъ въ первую половину 70-хъ годовъ формулировалъ свой окончательный выводъ о желательномъ, разумномъ, естественномъ, если можно такъ выразиться, строѣ государственной жизни. Она начинается съ характерныхъ словъ: «глубокая несправедливость всеобщаго избирательнаго права и демократической организаціи вообще» и содержитъ сравненіе трехъ типовъ государственной организаціи: абсолютной монархіи съ привилегированной знатью, буржуазной конституціонной монархіи или республики и наконецъ демократіи. Первый типъ хорошъ преимущественно при исключительныхъ обстоятельствахъ, напр. при хроническихъ войнахъ; недостаткомъ второго является господство чисто коммерческихъ взглядовъ на власть; наихудшимъ является однако послѣдній, имѣющій естественную тенденцію къ соціализму и охлократіи. «Въ результатѣ наибольшая справедливость и наибольшая способность правительства вести государственное дѣло хорошо достигается въ случаѣ соединенія этихъ трехъ силъ: 1) наслѣдственной монархіи и наслѣдственной ари-

стократіи, которыя доставятъ наилучшаго капитана и наилучшій главный штабъ, если они получатъ соотвѣтствующее воспитаніе, ибо они обладаютъ наивысшимъ интересомъ (къ дѣлу) и наивысшимъ (политическимъ) воспитаніемъ; 2) вліянія богатаго или состоятельнаго класса, ибо онъ наиболѣе заинтересованъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся добраго пользованія (вложеннымъ въ дѣло) капиталомъ и успѣха всего предпріятія; 3) вліянія числа, ибо оно представляетъ элементъ силы и почву для естественнаго подбора членовъ двухъ другихъ классовъ или силъ» [1]).

При такихъ условіяхъ неудивительно, что Тэнъ смотрѣлъ самымъ мрачнымъ образомъ на фактическое развитіе политическаго строя и жизни третьей республики. Со времени принятія всеобщаго избирательнаго права, какъ для муниципальныхъ и другихъ мѣстныхъ выборовъ, такъ и для выборовъ въ палату депутатовъ, «соціальная и политическая битва» была по его мнѣнію проиграна. Одного этого по его мнѣнію было достаточно, чтобы «разрушить (démolir) Францію» [2]). Основной нотой всей его переписки, начиная съ 1870 г., когда онъ подъ вліяніемъ событій снова заинтересовался политикой, является отчаяніе; одно мрачное предсказаніе смѣняется другимъ: въ февралѣ 1872 г. онъ предвидитъ бонапартистскій переворотъ и гражданскую войну внутри арміи [3]); въ маѣ 1873 г. — предстоящее торжество «демагоговъ», за которымъ послѣдуетъ скоро возстановленіе деспотизма [4]); въ іюнѣ 1874 г.—скорое провозглашеніе республики, а

[1]) Vie et Corr., III, 348—351. Ср. ib., 343—344.
[2]) Vie et Corr., IV, 22 (отъ 21-го мая 1877 г.).
[3]) Ib., III, 195 (отъ 21-го февраля 1872 г.).
[4]) Ib., III, 222 (отъ 15-го мая 1873 г.).

года черезъ два возстановленіе имперіи [1]); въ іюлѣ того же года—катастрофу (culbute), имѣющую совершиться мѣсяца черезъ четыре [2]), и т. д. Всѣ эти и многія другія конкретныя предсказанія, содержащіяся въ его перепискѣ, не оправдались, какъ не оправдалось и его предположеніе, что Франціи предстоитъ «господство полуповрежденныхъ, полу-глупцовъ, полу-извращенныхъ людей» [3]). Но это не измѣняло его основного убѣжденія, что «слѣдуетъ исходить изъ того принципа, что высшій классъ, богатые люди изъ хорошихъ семействъ не имѣютъ во Франціи никакого вліянія. Они не руководятъ общественнымъ мнѣніемъ. Наоборотъ, лавочнику, рабочему, крестьянину стоитъ только спросить, за кого они голосуютъ, и они голосуютъ сами тотчасъ же за противоположнаго кандидата» [4]). Результатомъ этого является не только «грубая (grossière) демократія», но и своеобразное, крайне нежелательное развитіе «высшаго класса»: «чѣмъ больше упрочивается демократія, тѣмъ болѣе клерикальнымъ долженъ стать высшій и даже средній классъ [5]); не находя себѣ надлежащаго мѣста въ государствѣ и въ законодательствѣ, подчиненные голосамъ толпы, не имѣя никакой точки опоры противъ господства числа, они воспользуются какой угодно жандармеріею, т. е. въ частности католицизмомъ, и въ случаѣ надобности они будутъ искать убѣжища у бонапартизма... Но радикализмъ и клерикализмъ представляютъ два полюса, гдѣ противоположныя электричества накопляются въ силу

[1]) Ib., III, 265 (отъ 18-го іюня 1874 г.).
[2]) Ib., III, 269 (отъ 31-го іюля 1875 г.).
[3]) Ib., IV, 167.
[4]) Ib , IV, 23 (отъ 21-го мая 1877 г.).
[5]) Ср. Буланжизмъ, націоналистическій ревизіонизмъ, опытъ дѣла Дрейфуса и т. д.

самаго факта ихъ противоположности; все это ведетъ къ взрывамъ, къ ружейнымъ выстрѣламъ; на мой взглядъ всходитъ сѣмя гражданской войны» [1]). Высшій классъ окажется безполезнымъ для страны, и «въ результатѣ кончатъ тѣмъ, что пожелаютъ совершенно упразднить высшій классъ въ качествѣ клерикальнаго, безполезнаго и испорченнаго» [2]).

VI.

Чѣмъ болѣе неблагопріятны условія политической жизни, чѣмъ меньше они охраняютъ интересы личности, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ о компетенціи государственной власти и объ ея предѣлахъ. Демократія, какъ мы видѣли, имѣетъ естественную наклонность развиваться въ соціалистическомъ направленіи. «Хозяинъ, буржуа, насъ эксплоатируетъ, надо его устранить. Не существуетъ ни высшаго призванія (supériorité), ни спеціальныхъ знаній и навыковъ (spécialité). Я, рабочій, способенъ, если захочу, быть главой предпріятія, судьей, генераломъ... Установимъ же республику, въ которой такіе же рабочіе, какъ мы, были бы министрами и президентами»—такъ разсуждаютъ по мнѣнію Тэна не только коммунары, но демократическая толпа вообще [3]). А демагоги льстятъ этимъ наклонностямъ невѣжественной толпы и рисуютъ ей въ самомъ преувеличенномъ видѣ тѣ блага, которыя выпадутъ на ея долю, когда власть окажется въ ея рукахъ и въ рукахъ ея вождей. Въ связи съ этимъ возникаетъ и распространяется представленіе о

---

[1]) Vie et Corr., III, 276 (отъ 9-го сентября 1875 г.).
[2]) Ib., IV, 32 (отъ 8-го іюля 1877 г.).
[3]) Vie et Corr., III, 92. Ср. Origine, Révol., III, 428.

государствѣ, какъ о земномъ провидѣніи, которое все можетъ, для воздѣйствія котораго на общественную жизнь не существуетъ никакихъ предѣловъ; представленіе, антисоціальное и антикультурное значеніе котораго не поддается преувеличенію.

Свобода и самодѣятельность личности представляетъ коренное условіе всякаго прогресса, ибо всякій трудъ тѣмъ болѣе интенсивенъ и производителенъ, чѣмъ меньшую роль въ немъ играетъ принужденіе, или иначе говоря, «творчество появляется лишь тогда, когда личность свободна и не находится подъ гнетомъ внѣшнихъ условій, поддающихся столь трудно видоизмѣненію; на этомъ и покоится прогрессъ» [1]). Вмѣшательство государства въ сферу личной самодѣятельности не должно поэтому выходить за тѣ предѣлы, въ коихъ оно безусловно нужно въ интересахъ самой личности. По мнѣнію Тэна это вмѣшательство необходимо лишь для защиты личности и собственности отъ посягательствъ внѣшнихъ враговъ и преступныхъ элементовъ внутри общества. «Эта защита предполагаетъ армію, жандармерію, полицію, суды, налоги, больше ничего, да въ крайнемъ случаѣ еще поддержку другихъ обществъ, которыя помогаютъ косвенно достигнуть эту цѣль» [2]). «Во всѣхъ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности, а именно въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ, въ семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, въ области воспитанія, нравовъ, религіи, искусства и философіи личность, будучи болѣе близка себѣ, знаетъ лучше, что ей подходитъ (ce qui lui convient), находится подъ воздѣйствіемъ болѣе силь-

[1]) Ib., III, 337.
[2]) Ib., III, 331.

ныхъ потребностей и аффектовъ, а слѣдовательно болѣе способна осуществлять соотвѣтственную функцію хорошо» [1]). «Даже въ томъ случаѣ, если государство понимало бы лучше индивидуумовъ, ихъ собственныя дѣла, и тогда конечная нецѣлесообразность (государственнаго вмѣшательства) была бы по совокупности огромна, ибо его постоянное и всестороннее вмѣшательство свело бы личность до положенія автомата; а между тѣмъ инициатива и личная воля представляютъ первоклассныя цѣнности» [2]).

Но этого мало. Чрезмѣрное вмѣшательство государства не только не цѣлесообразно съ точки зрѣнія культурнаго развитія, оно подвергаетъ даже самое существованіе государства опасности. Дѣло въ томъ, что «находиться въ постоянномъ сообществѣ съ другими личностями (каково бы ни было это сообщество: семья, государство, церковь, добровольная частная ассоціація и т. д.) въ разныхъ отношеніяхъ тяжко (pénible); тутъ имѣется принужденіе, сдерживаніе (répression) себя самимъ собой или другими, жертвы деньгами, временемъ и т. д. Для того, чтобы общество продолжало существовать, необходимъ слѣдовательно мотивъ, постоянная потребность, болѣе сильная чѣмъ указанная тягота (peine) и неохота (répugnance). Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, какъ общества возникаютъ и продолжаютъ существовать подъ замѣтнымъ, ощущаемымъ всѣми ихъ членами, давленіемъ постоянной потребности; въ частности современныя государства— подъ давленіемъ потребности въ охранѣ жизни и иму-

---

[3]) Ib., III, 336—337.
[4]) Ib., III, 335.

щества» [1]). Съ теченіемъ времени, когда основная потребность осуществлена и когда въ связи съ этимъ отпадаетъ непосредственное ощущеніе необходимости государственной организаціи, это непосредственное чувство можетъ замѣняться и замѣняется смутнымъ воспоминаніемъ, традиціей и т. д. [2]).

Отсюда ясно, что роль государства должна быть «ограничена цѣлью, желаемой явно и по необходимости всѣми въ наивысшей степени, цѣлью осязаемой, ясной для самыхъ грубыхъ умовъ и расширяющейся лишь постепенно, по мѣрѣ того, какъ получившіе болѣе широкое развитіе умы начинаютъ понимать полезность вспомогательныхъ цѣлей, какъ средствъ для достиженія основной. Такимъ путемъ создается самое справедливое общество, т. е. общество, существованіе коего пользуется въ каждый данный моментъ самымъ широкимъ и общепризнаннымъ согласіемъ всѣхъ; общество, которое уважаетъ въ наибольшей степени волю индивидуума, наконецъ общество, наиболѣе способное возбуждать иниціативу и дѣятельность индивидуума, такъ какъ оно предоставляетъ ему заботу о созданіи всѣхъ другихъ ассоціацій» [3]).

«Государству—провидѣнію» противополагается такимъ образомъ «государство—сторожевой песъ». «Остережемся роста компетенціи государства и не потерпимъ, чтобы оно было чѣмъ-нибудь кромѣ сторожевого пса. Въ то время, какъ другіе жильцы дома дали своимъ зубамъ и своимъ когтямъ притупиться, его челюсти стали страшны;

---

[1]) Ib., III, 337—338.

[2]) Ib., III, 338, пр. 1.

[3]) Ib., III, 333. Ср. Origines, Rég. mod., I, 353 сл. о необходимости тщательно оберегать сравнительно слабый соціальный инстинктъ отъ болѣе сильнаго эгоистическаго.

въ настоящее время песъ сталъ огромнымъ, и онъ одинъ сохранилъ привычку къ бою. Будемъ кормить его обильно противъ волковъ; но пусть онъ не трогаетъ никогда никого изъ своихъ мирныхъ сожителей; иначе по мѣрѣ ѣды его аппетитъ возрастетъ; вскорѣ онъ станетъ самъ волкомъ, самымъ прожорливымъ изъ волковъ—домашнимъ. Необходимо держать его на цѣпи и въ оградѣ» [1]).

Якобинское или, что по представленію Тэна то же самое, демократическое понятіе о государствѣ есть «понятіе ретроградное» [2]). Оно возвращаетъ насъ къ античнымъ порядкамъ, основаннымъ на извѣстной религіозной концепціи, которая устарѣла, и на безпрерывной военной опасности, которая стала менѣе грозной и постоянной, и приводящимъ къ безправію личности передъ государствомъ, къ «авторитарному соціализму» [3]). Въ современной Европѣ измѣнилось самое существо человѣческой психики: полный отказъ отъ своихъ правъ былъ бы «противенъ совѣсти и противенъ чести»: «моя честь и моя совѣсть не должны ускользать изъ моихъ рукъ; я одинъ ихъ обладатель и хранитель; я не вручилъ бы ихъ даже своему отцу» [4]). Подъ вліяніемъ христіанства и феодализма установились двѣ основныя идеи нашей европейской морали: въ силу одной человѣкъ «призналъ за собой обязанности, отъ которыхъ ничто не можетъ его освободить; въ силу другой онъ приписалъ себѣ права, которыхъ ничто не можетъ его лишить: на этихъ двухъ основахъ покоилась и покоится наша цивилизація» [5]). Тэнъ

---

[2]) Origines, Révol., III, 136.
[3]) Ib., III, 120.
[4]) Ib , III, 120–125.
[2]) Ib., III, 125.
[3]) Ib., III, 129.

не согласенъ отказаться отъ нихъ въ пользу государства, т. е. въ пользу временнаго большинства голосовъ, точнѣе въ пользу 600—700 депутатовъ, на избраніе которыхъ онъ не имѣетъ никакого реальнаго вліянія.

VII.

Отрицаніе демократіи и всеобщаго избирательнаго права и отрицаніе всевластія государства или, иначе говоря, признаніе необходимости господства «естественныхъ вождей» и огражденія личности отъ государства,— таковы въ конечномъ итогѣ основныя положенія политическаго міросозерцанія Тэна.

Сами по себѣ эти положенія, какъ ужъ сказано, не представляютъ ничего оригинальнаго. Это старые взгляды французскаго либерализма (въ частности его праваго доктринерскаго крыла), установившіеся въ первой половинѣ XIX вѣка. Оригинальность Тэна заключается въ томъ, что онъ постарался обосновать ихъ болѣе одробно и глубоко, чѣмъ это сдѣлали его предшественники, и что онъ нашелъ необходимыя основанія для нихъ въ естественно-научныхъ данныхъ и гипотезахъ. Мысль о необходимости распространить естественно-научный методъ на изученіе, какъ индивидуальной и коллективной психологіи, такъ и соціологическихъ проблемъ, является основной мыслью всей его жизни. Весьма естественно, что она же опредѣлила и характеръ его умственной работы въ области соціальныхъ и политическихъ вопросовъ [1]).

Въ существенныхъ чертахъ его взгляды въ этой области установились еще задолго до провозглашенія

---

[1]) Vie et Corr., IV, 333 (9-го декабря 1891 г,).

третьей республики, и еще по первымъ его произведеніямъ проницательные наблюдатели угадали ихъ характеръ. Уже въ 1859 г. Ж. Ж. Вейссъ писалъ по поводу его «Essais de critique et d'histoire», вышедшихъ въ предшествующемъ году; «тѣ, кто когда-нибудь будутъ писать исторію политическихъ и моральныхъ революцій XIX вѣка, будутъ вынуждены придти къ заключенію, что возстановленіе имперіи въ жизни государства и побѣдоносное вторженіе системы г. Тэна въ области интеллектуальной, представляютъ два параллельныхъ факта. Одинъ содѣйствуетъ другому» [1]). Но вплоть до катастрофы 1870 г. Тэнъ касался этихъ вопросовъ чрезвычайно рѣдко, да и то лишь мимоходомъ: даже въ его перепискѣ они не занимаютъ почти никакого мѣста. Онъ исходилъ изъ того, что его идеалъ все равно не осуществимъ, что ему нечего дѣлать въ политикѣ, «которую онъ любилъ весьма мало» [2]), и что ему, да строго говоря всѣмъ разумнымъ людямъ вообще, надлежитъ обратить свои силы на другую область, на чистую науку, на искусство и т. д. [3]). И тогда онъ правда признавалъ и говорилъ, что «у насъ есть долгъ по отношенію къ нашей націи, нашему вѣку, нашему виду, долгъ, вытекающій изъ простой порядочности», такъ какъ мы заимствовали у нихъ безконечно много, чтобы не сказать почти все [4]). Но только исходъ

---

[1]) J. J. Weiss въ Revue de l'instruction publique отъ 15-го декабря 1859 года (цитировано въ приложеніяхъ къ біографіи Тэна Жиро, гдѣ имѣется подробное изложеніе означенной статьи съ выдержками изъ нея; см. привед. отрывокъ на стр. 297).

[2]) Essais de crit. et d'hist., 278.

[3]) Vie et Corr. (Notes personn. отъ октября 1862 г.). II, 263. Ср. I, 283. II, 62 и др.

[4]) Ib., II, 249.

Франко-прусской войны и коммуна побудили его заняться со свойственной ему страстью вопросами общественной жизни и сдѣлать попытку оказать воздѣйствіе на политическую жизнь своей родины, несчастія которой впервые показали ему, какъ онъ былъ къ ней привязанъ [1]). «Нужно, чтобы всѣ принялись за работу надъ ея возрожденіемъ», писалъ онъ Э. Бутми еще въ началѣ 1871 г. [2]).

Въ теченіе 22 лѣтъ онъ работалъ съ тѣхъ поръ надъ своимъ «Происхожденіемъ современной Франціи». Мысль о подобнаго рода трудѣ занимала его уже въ 1861 г. и тогда уже онъ предвидѣлъ, что его «мало патріотическіе, невеселые и еще менѣе почтительные» взгляды не встрѣтятъ сочувствія [3]).—Теперь онъ счелъ себя обязаннымъ приступить къ этому труду, задача котораго заключалась въ критикѣ и опроверженіи господствовавшихъ политическихъ взглядовъ и въ доказательствѣ необходимости построить политическую теорію не на спекулятивныхъ, а на научныхъ началахъ.

«Общая причина современнаго переустройства (европейской жизни) заключается въ развитіи науки (съ ея методами и свойственными ей выводами). Общей причиной французской революціи и нашего неустойчиваго соціальнаго состоянія является скороспѣлая, плохо обоснованная, апріорная наука, присоединившая свое пламя и свое знамя къ страстямъ массы, освобожденной первой

---

[1]) Vie et Corr., III, 39 (отъ 28-го декабря 1861 г.): Je ne savais pas qu'on tenait tant à sa patrie.

[2]) Ib., III, 49.

[3]) Ib., II, 222 (отъ 3-го декабря 1861 г.). Cela fera peut être une France contemporaine; mais j'ai peur de mes notes и т. д. Въ приложеніи къ этому же тому, стр. 386 - 387, имѣется набросокъ плана книги «La religion et la société en France», написанный въ ноябрѣ 1862 г. и относящійся къ тому же кругу идей.

революціей и машинами и доведенной до крайняго возбужденія благосостояніемъ, которое распространили машины. Общее цѣлебное средство заключается въ правильно построенной опытной наукѣ. Въ ней содержится сила, не поддающаяся учету, способная къ неопредѣленно большому развитію и властвованію. Доказательства этой силы подавляющи. Даже будучи скороспѣлой и ложной, она создала (a fait) французскую революцію; даже въ ублюдочной формѣ соціализма она создала наши послѣднія потрясенія. Примѣненная впервые (dans une de ses premières applications), она создала современную Италію и Германію. Примѣненная частями она создала хорошее государственное устройство Англіи и Соединенныхъ Штатовъ (гдѣ она, кстати сказать, примѣнялась по традиціи и инстинктивно). Ея варварское имя—соціологія. Ея точное опредѣленіе таково: примѣненіе науки о человѣчествѣ къ руководству человѣческими дѣлами... Итакъ, въ цѣломъ, реформа заключается въ томъ, чтобы замѣнить негодную или апріорную науку, наукой апостеріорной со всѣми ея пріемами... Развитіе и примѣненіе наукъ о человѣчествѣ есть новое средство и орудіе цивилизаціи и (человѣческаго) могущества, равное въ своихъ результатахъ развитію и примѣненію естественныхъ наукъ» [1]).

Не вдаваясь и тутъ въ оцѣнку этихъ преувеличенныхъ до крайности представленій Тэна о возможности создать «опытную» соціологію и о могущественномъ вліяніи этой науки, необходимо замѣтить, что Тэнъ во всякомъ случаѣ руководился ими, когда писалъ свой послѣдній трудъ. «Общественное мнѣніе постепенно измѣнится», писалъ онъ; «оно измѣнится относительно французской

[1]) Ib., III, 306—308: ср. ib., 315—316.

революціи, относительно имперіи, относительно всеобщаго прямого избирательнаго права, относительно аристократіи и роли корпорацій въ человѣческихъ обществахъ. Представляется вѣроятнымъ, что по прошествіи столѣтія измѣнившееся общественное мнѣніе будетъ имѣть извѣстное вліяніе на палаты, на власть. Вотъ моя надежда: я приношу лишь камушекъ въ выбоину, но 1.000 возовъ хорошо положенныхъ и соединенныхъ камней въ концѣ концовъ дають дорогу. Законной царицей міра и будущаго является не то, что въ 1789 г. называли разумомъ, а то, что въ 1878 г. называютъ наукой» [1]).

Это убѣжденіе, мирящееся такъ плохо съ его собственнымъ представленіемъ о психологической природѣ человѣка, одушевляло его до конца жизни и помогало ему продолжать начатую имъ огромную работу, которая съ каждымъ днемъ незамѣтно разросталась подъ его руками. Подчасъ онъ правда испытывалъ сомнѣнія: «на что годны книги?» спрашиваетъ онъ въ одномъ письмѣ. «Вѣдь людьми управляютъ интересы и страсти» [2]). Но въ конечномъ итогѣ въ немъ опять брала верхъ старая закваска временъ его студенчества въ école normale, та закваска, которую Сентъ Бевъ какъ то опредѣлилъ какъ «чрезмѣрное довѣріе къ книгамъ, къ тому, что написано; чрезмѣрная вѣра въ перо и въ то, что изъ подъ него выходитъ» [3]).

---

[1]) Ib., IV, 44. Ср. IV, 82.
[2]) Ib., III, 277, 4, 197, 204, 338, 340.
[3]) Цитир. у Giraud, Essai, 18.

VIII.

Этимъ объясняется отчасти и своеобразный, аподиктическій характеръ его политическихъ сужденій, имѣющій однако и болѣе глубокую причину. Она заключается въ характерѣ его умственнаго склада и его манеры работать. «Во всякомъ изысканіи» писалъ онъ еще въ 1853 г., «трудность заключается для меня въ томъ, чтобы найти характерную и господствующую черту, исходя изъ коей все можетъ быть выведено геометрически, однимъ словомъ въ томъ, чтобы найти формулу даннаго явленія» [1]). «Разъ данъ объектъ изслѣдованія, говоритъ совершенно справедливо Жиро, характеризуя его пріемы, «онъ начинаетъ съ того, что подвергаетъ вопросъ суммарному изученію и создаетъ себѣ возможно болѣе точное, возможно болѣе отчетливое представленіе о немъ. Вмѣсто того, чтобы сохранить этотъ общій взглядъ исключительно въ качествѣ руководящей идеи, въ качествѣ подлежащей провѣркѣ гипотезы, онъ безсознательно смотритъ на нее, какъ на подлежащую развитію программу, какъ на своего рода подлежащую доказательству теорему. Она обладаетъ такой властью надъ его умомъ, что онъ становится почти неспособнымъ видѣть факты, которые ее опровергаютъ или ослабляютъ. Этимъ, мнѣ кажется, объясняется большая часть совершенныхъ имъ ошибокъ или неточностей. Онъ изъ тѣхъ, которые разъ они не открыли истины съ перваго раза, не откроютъ ея никогда путемъ повторнаго нащупыванія» [2]).

---

[1]) Vie et Corr., Ib., II, 7.

[2]) Giraud, Essai, стр. 37, пр. 1; ср. ib., стр. 67.

Съ методомъ его работы тѣсно связана его знаменитая мысль о «faculté maîtresse», изъ которой вытекаетъ весь характеръ даннаго лица, даннаго народа или даннаго общественнаго теченія. Изучаетъ ли онъ Тита Ливія, исторію англійской литературы [1]) или французскую революцію, характеръ французскаго народа или демократіи, онъ всегда стремится къ выясненію «характерной и господствующей черты, исходя изъ коей все можетъ быть выведено геометрически».

Въ примѣненіи къ явленіямъ общественной жизни такой пріемъ не можетъ дать удовлетворительныхъ результатовъ. Для этого эти явленія слишкомъ сложны, и слишкомъ разнообразна сумма воздѣйствующихъ на нихъ факторовъ. Объявляя какой-нибудь одинъ изъ нихъ господствующимъ и рѣшающимъ, Тэнъ чрезмѣрно упрощаетъ явленія. Онъ упрощаетъ ихъ, когда онъ объясняетъ ходъ французской революціи характеромъ «классическаго духа»; онъ упрощаетъ ихъ, когда онъ дѣлаетъ якобинцевъ въ частности отвѣтственными за ея ходъ или когда онъ объявляетъ основной чертой якобинца выходящее за всякіе предѣлы самодовольство; онъ упрощаетъ ихъ, когда онъ утверждаетъ, что стремленіе французовъ къ равенству проистекаетъ изъ зависти [2]). Такого же точно упрощеннаго характера и его характеристика демократіи. Исторія показываетъ, что демократія отнюдь не совпадаетъ непремѣнно съ охлократіей и отнюдь не всегда совпадаетъ съ всевластіемъ государства и безсиліемъ лич-

---

[1]) Vie et Corr., 136. Le but était d'arriver à une définition de l'esprit anglais. Эта «цѣль» была на самомъ дѣлѣ исходной мыслью всего труда.

[2]) Vie et Corr., III, 119.

ности. Говоря о демократіи, Тэнъ подразумѣваетъ одну изъ ея разновидностей; на основаніи ея онъ конструируетъ свое общее сужденіе о демократіи, а изъ послѣдняго онъ выводитъ «геометрически» всѣ основныя положенія своего политическаго ученія.

Но этого мало. Для оцѣнки политическихъ взглядовъ Тэна недостаточно принять во вниманіе его тенденцію къ упрощенію явленій. Необходимо имѣть также въ виду, что представленія Тэна о характерѣ общественной эволюціи отличаются значительной расплывчатостью, противорѣчивостью и неразработанностью. По справедливому замѣчанію Жиро психологическіе этюды Тэна имѣютъ, если можно такъ выразиться, статическій характеръ: «онъ беретъ человѣка въ опредѣленный моментъ его жизни, онъ не интересуется разными эпохами его мысли, онъ изучаетъ его работу въ цѣломъ, точно она была сдѣлана сразу въ одинъ и тотъ же день; движеніе, развитіе, быть можетъ, самая жизнь ускользаютъ отъ него. Его умъ такъ устроенъ, что онъ кристаллизируетъ объектъ своего изученія» [1]). И опять-таки то же самое, что можно сказать про его этюды о Титѣ Ливіи, о Маратѣ, о Дантонѣ, о Робеспьеррѣ и т. д., тоже можно сказать объ его характеристикѣ якобинцевъ и объ его представленіи о «новомъ порядкѣ» во Франціи и въ частности о демократіи. Онъ изучаетъ всѣ эти явленія внѣ времени, безъ достаточнаго вниманія къ совершающимся внутри ихъ процессамъ развитія.

Результатомъ всего этого является тотъ своеобразный фактъ, что его политическая теорія пріобрѣтаетъ въ концѣ-концовъ столь же или почти столь же спекулятив-

---

[1]) Giraud, Essai, предисловіе, стр. XVI.

ный характеръ, какъ и многія изъ тѣхъ, съ которыми онъ ведетъ борьбу. Считаясь съ психологіей человѣка вообще, но не съ тенденціей развитія французскаго народа въ данное время въ частности, онъ конструируетъ абстрактный идеалъ политической организаціи, совершенно противоположный тому, который нѣкогда конструировалъ Руссо, но почти столь же противорѣчащій реальнымъ наклонностямъ и потребностямъ даннаго времени.

Въ этомъ смыслѣ политическіе взгляды Тэна представляютъ шагъ назадъ по сравненію съ политическими взглядами Токвиля. Признавъ еще въ тридцатыхъ годахъ неизбѣжность грядущаго торжества демократіи, Токвиль подчинился факту, котораго нельзя было измѣнить никакими силами, и былъ готовъ съ нимъ примириться. Тэнъ занялъ неизмѣримо болѣе отрицательное положеніе по отношенію къ демократіи и вмѣсто того, чтобы сдѣлаться продолжателемъ движенія, начавшагося въ пользу разработки и осуществленія идеи либеральной демократіи, онъ сдѣлался лишь систематизаторомъ-теоретикомъ идей доктринерскаго либерализма двадцатыхъ годовъ, идей, уже успѣвшихъ отжить свой вѣкъ вмѣстѣ съ іюльской монархіей.

Его критика демократіи или точнѣе демократическихъ теорій, исходящихъ сознательно или безсознательно изъ сантиментальнаго представленія о природной добротѣ человѣка, объ его высокой разумности и его высокихъ моральныхъ качествахъ, въ основѣ своей совершенно справедлива. Демократія также мало является панацеей, какъ и любая другая форма государственной жизни, и обладаетъ несомнѣнно извѣстными специфически ей свойственными дефектами. Въ этихъ предѣлахъ взгляды Тэна должны были оказать совершенно законное, отрезвляющее

вліяніе на тѣхъ, кто былъ склоненъ вѣровать въ инстинктивную мудрость и святость народа.

Другое дѣло—его выводы изъ этого положенія, осложненнаго въ его міросозерцаніи его упрощеннымъ взглядомъ на демократію, какъ на чистое господство толпы и демагоговъ. Отрицая демократію вообще, онъ утратилъ способность считаться съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что не одинъ только «классическій духъ» и «апріорная наука», но вся совокупность экономическихъ, соціальныхъ и культурныхъ условій современной европейской, особенно западно-европейской жизни имѣютъ своимъ неизбѣжнымъ, закономѣрнымъ результатомъ движеніе въ пользу демократизаціи политическаго строя. Желая построить «научную» систему политической организаціи, основывающуюся на реальныхъ, опытныхъ данныхъ, а не на спекулятивной идеологіи, онъ самъ не учелъ всего значенія того факта, что идеальной политической организаціи, разсчитанной на всякія времена, вообще быть не можетъ; что всякая политическая организація есть неизбѣжный продуктъ извѣстнаго соціально-экономическаго и культурнаго склада жизни, и съ измѣненіемъ послѣдняго измѣняется и сама.

Мало того, создавая свою теорію господства «высшаго класса», «просвѣщенныхъ и богатыхъ людей» и попытавшись обосновать его естественно-научными соображеніями, т. е. дарвинистической теоріей борьбы за существованіе и естественнаго подбора, онъ не учелъ того факта, что эта теорія вообще не примѣнима къ общественной жизни; ибо здѣсь борьба за существованіе совершается при иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ природѣ и не можетъ дать чистыхъ результатовъ естественнаго подбора, предполагаемыхъ дарвинистической теоріей въ животномъ

мірѣ: «высшій классъ» не состоитъ только или главнымъ образомъ изъ тѣхъ, кто самъ побѣдилъ въ борьбѣ за существованіе, а вслѣдствіе господства принципа частной собственности въ весьма значительной своей части изъ людей, «давшихъ себѣ только трудъ родиться», а этого, разумѣется, недостаточно, чтобы признать этихъ людей «отборной частью націи», какъ это дѣлаетъ Тэнъ.

Но и этого еще мало. Дарвинистическая теорія предполагаетъ, что въ борьбѣ за существованіе выживаютъ или побѣждаютъ особи, наиболѣе приспособленныя къ веденію этой борьбы. Если такимъ образомъ даже и допустить, что «высшій классъ» состоитъ изъ «отборной» въ этомъ смыслѣ части общества, то изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы специфическая приспособленность членовъ «высшаго класса» къ совершающейся внутри общества борьбѣ за существованіе, включала въ себѣ непремѣнно особую приспособленность къ управленію государствомъ, къ пониманію его истинныхъ потребностей и интересовъ. Это очевидно два совершенно разныхъ и пожалуй даже противоположныхъ явленія, такъ какъ задача государства заключается въ возможномъ смягченіи, а не въ обостреніи борьбы за существованіе среди его членовъ.

Стремленіе переносить не только естественно-научные пріемы работы, но и естественно-научныя теоріи въ область соціальныхъ явленій приводило Тэна не разъ къ ошибочнымъ и скороспѣлымъ обобщеніямъ. Оно отразилось и на его политическихъ взглядахъ.

Сила Тэна заключается не въ его положительномъ политическомъ идеалѣ съ его кажущейся строгой научностью, а въ его историческихъ и психологическихъ трудахъ, представляющихъ при всѣхъ ихъ серьезныхъ

недостаткахъ одинъ изъ крупнѣйшихъ вкладовъ въ науку, сдѣланныхъ въ теченіе XIX вѣка. Въ политической же области его основное убѣжденіе, что цѣнность всякой политической доктрины зависитъ отъ степени ея согласованности съ основными чертами психологической природы человѣка, несомнѣнно должно быть признано вѣрнымъ. Но оно нуждается въ существенномъ дополненіи: необходимо считаться не только съ психологическими свойствами человѣка вообще, а съ его свойствами, потребностями и интересами, какъ они складываются въ данное время и въ данномъ мѣстѣ въ частности. Политическія воззрѣнія Тэна покоются скорѣе на естественнонаучномъ, чѣмъ на историческомъ базисѣ. Въ этомъ и заключается одна изъ главныхъ причинъ ихъ слабости.

